

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

САРА АДАМ

ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

ОПАСНАЯ БЛИЗОСТЬ

18+

Сара Адам

Опасная близость

<https://litres.ru/73934786>

SelfPub; 2026

Аннотация

Приезд в Дублин к больному отцу оборачивается для талантливой фигуристки Лилит ловушкой.

Когда-то она обратилась за помощью к мафии, чтобы спасти подругу, и теперь должна заплатить за это ценой собственной свободы.

Чтобы остановить кровную войну, Лилит вынуждают согласиться на брак с наследником вражеского клана.

Но у брата её жениха, Киллиана Блэквуда, свои планы. Он похищает Лилит прямо со свадьбы, объявляя войну обеим семьям.

И делает это вовсе не ради любви, а ради собственной мести и их общего опасного секрета.

Или Лилит ошибается, считая себя лишь частью его мести?

Содержание

Глава	4
Пролог	5
Плейлист к роману:	7
Глава 1	8
Глава 2	21
Глава 4	46
Глава 5	61
Глава 6	75
Глава 7	82
Глава 8	87
Глава 9	102
Глава 10	115
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Опасная близость

Глава

*Эта книга посвящается всем плохим
девочкам, любящим сталкеров и читающим порно-книж-
ки*

Пролог

Я всегда знала, что была рождена сиять яркой звёздочкой. Блистать на льду, будучи лучшей из лучших.

Так оно и было, пока одна ночь не перечеркнула всё и не запустила цепочку роковых событий...

Сначала я была невестой мафии.

Потом меня похитили с собственной свадьбы.

А теперь я стала чужой женой.

Подол платья путается в ногах, и я спешно его поднимаю, убегая по длинной дороге вперёд. Это глупо, и у меня нет ни малейшего шанса на успех, но попытка не пытка.

Массивные ели по обеим сторонам дороги мелькают перед глазами, но я не заостряю на них внимание, боясь отвлечься. Ветер хлещет в лицо, заставляя кожу гореть, и маленькая толика надежды, что мне удастся сбежать, зарождается внутри.

Но быстро гаснет...

— Нет! — вылетает изо рта, когда я чувствую хват на своей многотрадальной косе.

Рывок, и меня дёргают назад под истошные крики, впечатывая в твёрдый пресс.

— Не могу понять: ты слишком самоуверенная или ненормальная? — грубый голос Киллиана над ухом пускает заряд тока по венам.

— Больно! — подняв руки, я пробую отцепить его от себя, но не выходит.

Мужская ладонь ложится на мой дрожащий живот, сильнее вжимая в своё тело.

— Поверь, Лилит, больно я тебе ещё не делал.

В следующий миг Киллиан разворачивает меня. Наши взгляды сталкиваются, и я не могу поверить, что тот самый парень, которому я отдалась без раздумий, оказался ненормальным.

— Проклинаю тебя и весь твой род, придурок! — выплёвываю с презрением, и тогда он обхватывает мою шею, крепко сжимая.

— Ещё раз попытаешься сбежать – прострелю колени, — нарочито спокойно угрожает брат жениха.

— Лучше пусти мне пулю в висок, и закончим на этом.

Я не собираюсь пресмыкаться перед ним. Или молить о пощаде и просить отпустить. Это будет бесполезно и унижительно.

— Зачем так радикально? — мужские глаза разного цвета загораются недобрым огнём. — На тебя у меня большие планы, не ведьма.

Плейлист к роману:

Katy Perry – The One That Got Away

MOT – Намёк на нас

Taylor Swift – Style

Alex Warren – Fever Dream

RAYE – Where Is My Husband?

Jessie Murph – Bad as the Rest

Lady Gaga – Bad Romance

Ravyn Lenae – Love Me Not

Arctic Monkeys – Do I Wanna Know?

Дима Билан – Пообещай

Aya Nakamura – Copines

Ellie Goulding – Lights

Ellie Goulding – Love Me Like You Do

Lana Del Rey – West Coast

Gigi Perez – Sailor Song

Глава 1

Затишье перед бурей

— *Уважаемые пассажиры, наш самолёт совершил посадку в аэропорту города Дублин. Температура воздуха за бортом...*

Речь пилота звучит на фоне моих бесконечно летающих мыслей. Бросив короткий взгляд на подорвавшихся с мест пассажиров, вздыхаю, наблюдая, как они с остервенением выдёргивают сумки из багажных полок и толпятся у выхода.

Достав из кармана впередистоящего кресла телефон, отключаю авиарежим и открываю переписку со старшим братом. Перед вылетом я решила уточнить у него, заберёт ли меня кто-то или добираться самой?

Ответное сообщение пришло ещё во время полёта.

Деклан : водитель встретит тебя.

Будучи подростком, я терпеть не могла приезжать к отцу. Бунтарский дух и обида на то, что я вынуждена жить на две страны, заставляли ненавидеть родственников.

Я злилась, что у всех одноклассников и подруг родители

живут вместе, а мои нет. Что по утрам они собираются за одним большим столом, завтракают, потом отец везёт дочь в школу, а мама занимается бытом. И вечером они снова проводят время вместе.

Я же не из стандартной семьи.

Мама сбежала от отца из Дублина, когда мне едва исполнилось два года. Общаться с ним она не запрещала, но никогда не забывала напомнить, что мой жестокий папаша испортил ей жизнь.

Казалось бы, при чём тут я?

Сколько себя помню, мама всегда находилась в бесконечных поисках той самой настоящей и чистой любви, а отец был занят кланом и любимым старшим сыном от другой женщины.

Меня швыряли между Штатами и Ирландией, как ненужный элемент.

Каникулы? Отлично, летишь к отцу в Дублин, а я еду в отпуск с новым бойфрендом.

Каникулы закончились? Ну давай, возвращайся к матери. У нас как раз накаляется обстановка с другим кланом, тебе тут делать нечего.

На сегодняшний день моя злость поутихла. Не исчезла полностью, а притупилась. Я даже нашла в этом плюсы. У всех одна семья, а у меня целых две! Да, нестандартные, но мои.

Вечерний Дублин встречает серой, промозглой погодой.

Наблюдая за проплывающими пейзажами за окном, откидываю голову на кожаное кресло автомобиля.

Каждая мышца ощущается затёкшей из-за долгого перелёта. Мне бы хорошенько размяться и разогреться. Плюс ко всему промокшие ноги, после того как я намочила замшевые ботинки в луже при выходе из аэропорта, усугубляют положение, заставляя тело знобить.

Обожаю Ирландию за восхитительную природу, множество сочной зелени вокруг и, конечно же, историю. Но зимой такой климат переношу тяжело. Я птичка теплолюбивая и не люблю серую, холодную, унылую погоду.

Машина въезжает на закрытую территорию особняка О'Коннеллов спустя добрых полчаса, и я вываливаюсь наружу, мечтая поскорее набрать горячую ванную и хорошенько отмокнуть.

— А вот и она! — не успеваю я сделать и шаг, как попадаю в объятия местной подружки детства. — Весь дом на ушах от твоего приезда!

— Неужели соскучились? — улыбаясь во все тридцать два зуба, обнимаю Агату в ответ. Из-за разницы в росте чувствую себя великаном по сравнению с этой мелкой, но знойной крошкой.

— Топ свежих сплетен? — предлагает она, выгнув тонкую изящную бровь. Мы бредём по каменистой подъездной дорожке, огибая массивный фонтан.

Понты это у нас семейный девиз. Гигантская усадьба, по-

строенная ещё моим прадедом, видна из космоса. И если кто-то из гостей не догадывается о статусе О'Коннеллов, то, оказавшись внутри многоуровневого особняка, отделанного в викторианском стиле, он моментально лишается всех вопросов.

Роскошь. Деньги. Величие.

Иногда мне кажется, что все потомки О'Коннеллов по мужской линии мнят себя властителями мира.

— Давай я сначала увижусь с отцом, а потом мы сядем и тщательно, — произношу, подняв указательный палец вверх, — по пунктикам, как две главные крысы этого места, обмусолим каждую сплетню?

— Мистер О'Коннелл в Шотландии, — Агата смотрит на меня удивлённо. — Прилетит завтра вечером. Я просто слышала, как между собой разговаривала охрана. Ты разве не в курсе?

— Нет, — тяну, остановившись около массивных дверей. — Я разговаривала только с Декланом, касательно отъезда он не сообщал.

Главная причина моего приезда – папа. Неделю назад брат позвонил мне со словами о том, что отец болеет и я обязана срочно прилететь. В крайнюю нашу встречу он выглядел абсолютно здоровым, поэтому новость, признаться честно, стала шоком.

Я решаю не делиться с Агатой подробностями о том, что отец болен. Вдруг это тщательно скрывается? Для начала

мне стоит обсудить эту тему со старшим братом. Возможно, его отсутствию есть объяснение. Что, если папа улетел на лечение?

— Лилит, моя дорогая! — в особняке нас встречает незаменимая миссис Мерфи. Одета в строгий костюм, с идеальной укладкой, она выглядит роскошно. Женщина распаивает тёплые, поистине материнские объятия, и я с радостью в них ныряю. — Что-то ты похудела с последнего приезда.

— У меня тренировки каждый день, — жалуясь, желая получить толику ласки. В уголках глаз миссис Мерфи, а точнее Фионы, собираются морщинки, единственное, что выдаёт её возраст.

— Ничего, я тебя откормлю, — уверенно обещает эта до безумия милая дамочка. — Соскучилась по дому? — тепло интересуется, педантично отряхнув пылинки с рукава моей куртки.

Меня умиляет тот факт, что все в Дублине искренне считают, что именно это место мой дом, в то время как я сама предпочитаю свободу Нью-Йорка.

— Соскучилась, конечно! — улыбаюсь, подыгрывая. — Миссис Мерфи, а вы не знаете, Деклан дома?

— С утра уехал, и больше я его не видела, — задумчиво протягивает женщина. — Агата, а ты почему здесь? Кыш домой, давай-давай, не путайся под ногами.

— Ой, мам, брось ты! — отмахивается стоящая рядом подруга. — Мы не виделись с Лил с самого лета. Дай поболтать!

Миссис Мерфи является местной управляющей. Она живёт здесь ещё с момента моего рождения, знает каждый уголок и заправляет остальным персоналом.

Именно поэтому мы и дружим с Агатой. Каждый мой приезд в Дублин скрашен её обществом, так как они тоже живут на территории поместья.

— Да, Фионочка, дайте поболтать! — потрепав женщину, под её ворчание, смеясь, мы с Агатой скрываемся в тёмных коридорах особняка.

Поднявшись на третий этаж и без умолку тараторя, мы заваливаемся в мою спальню. Вот за что я её люблю, так это за открывающийся сногшибательный вид из окна.

Бросив сумку на кровать, тут же пересекаю помещение и облокачиваюсь на подоконник, с удовольствием всматриваясь вдаль. Из-за тумана горы плохо видны, но эти слегка потемневшие от холодов и дождей луга заставляют мечтательно вздохнуть.

На самом деле романтической натурой меня сложно назвать. Скорее наоборот. Но Ирландия... если бы я умела сочинять стихи, то обязательно бы писала о её красотах и признавалась в любви! После каменных джунглей Нью-Йорка попасть сюда всё равно что переместиться в другую эпоху.

Пока я наслаждаюсь и без конца вздыхаю, охрана успевает поднять мой небольшой багаж. Заботливая Агата вызывается набрать горячую ванную, а я приступаю разбирать шмотки, швыряя их на постель.

— Ты какую пенку хочешь? — кричит подруга сквозь приоткрытую дверь. — Клубничную или карамельную?

— Да пофиг! — отмахиваюсь, склонившись над раскрытым чемоданом.

Улетая из Нью-Йорка, я взяла вещей по минимуму, так как не могу и не планирую задерживаться тут дольше, чем на неделю.

С самого детства моя жизнь построена вокруг спорта. А если быть точнее, фигурного катания. Каждый мой день расписан до минуты: тренировки на льду, занятия на суше, растяжка, пластика, хореография, актёрское мастерство. Всё, чтобы на льду выглядеть безупречно и показать себя на Национальном чемпионате.

Я упорно готовлюсь, и этот чемпионат мой шанс пробиться на международный уровень. Доказать, что я могу быть среди лучших. Что я и есть одна из лучших!

Но сейчас я вынужденно сорвалась в Дублин. Если бы не состояние папы, в жизни бы не прервала интенсивную подготовку. Я еле вырвалась из ледового зала, оставив позади месяцы усилий и изнурительных тренировок.

А теперь я узнаю, что отца нет в стране, а брат находится бог знает где. И мне это не нравится.

Агата, как самая приличная из нас двоих, тактично отворачивается, когда я сбрасываю одежду прямо на пол и забираюсь в горячую воду с пышным облачком пены наверху.

— Блаженство... — мычу, подтягивая ближе к шее пелену, дабы не вгонять подругу в краску. — Не чувствую ног. В этом городе зимой вообще выглядывает солнышко среди бесконечных дождей?

Мой вопрос скорее риторический, на что Агата в ответ закатывает глаза.

— Ты всегда чем-то недовольна. Летом тебе слишком душно, осенью раздражают пожелтевшие листья, а зимой не нравятся дожди. Ах да, а весной грязь!

— Закрой рот, — прыснув от смеха, брызгаю в неё водой. Агата устраивается около меня, бросив под задницу подушку. Брюнетка облакачивается на борты ванной и делится новостями.

Итак, что мы имеем? Садовник Энгус завёл интрижку с новой домработницей и изменяет жене. Для меня сплетня становится ударом, потому что я бесконечно уважала этого взрослого мужчину и завидовала тому, с какой любовью он рассказывает о жене и детях.

Новая повариха уволилась со скандалом, не проработав и недели: ей, видите ли, не подходил график и хотелось больше выходных. А сама Агата устроилась работать в картинную галерею, признаваясь, что это было её давней мечтой.

И это лишь малая часть того, что я успеваю переварить в голове от бесконечного повествования подружки-болтушки.

— А у тебя что нового? — выдохнув, с горящими глазами переводит стрелки на меня.

Сделав задумчивый вид, притворяюсь, якобы обдумываю, с чего начать.

— Из самого запоминающегося это отсутствие секса за последние полгода.

— Да ну тебя! — Агата возмущается, явно ожидая другой информации. Сменив позу, подруга садится по-турецки. — А как же тот парень, с которым вы без обязательств развлекались иногда?

— Его постигла та же участь, что и Томаса, — грустно изрекаю, играясь с пеной. — Он захотел большего, чем встречи раз в неделю. А мне это неинтересно.

В моей жизни было два партнёра. С первым, Томасом, я лишилась невинности, но он очень быстро влюбился, предложив встречаться. Я испугалась и слилась. Через время появился Арчи. Я не планировала без разбора прыгать по чужим койкам: моим вариантом был стабильный партнёр для снятия напряжения, но без обязательств.

Арчи казался идеальным вариантом. Тем более он каждый раз твердил, что отношения не для него. Что он альфа, и ни одна особь женского пола не сможет затащить его в свои сети. А через два года этот самец, пьяный в стельку, приполз к моим дверям в соплях и слезах, умоляя выйти за него замуж.

— Странная ты, — Агата фыркает, осуждающе качая головой. — Все девушки мечтают о любви и отношениях, а ты от них бежишь.

— Я не создана для любви, — приподнявшись, подтягиваю колени к груди. — Я рождена сиять! Сводить мужчин с ума! Смотреть и восхищаться издали, но грязные ручки не протягивать!

Еле слышный стук заставляет нас обоих обернуться и глянуть сквозь приоткрытую дверь в прилегающую спальню.

Агата вызывается проверить, кто там, а уже через минуту возвращается, подавая большое вафельное полотенце.

— Деклан приехал. Доложил через персонал, что хочет тебя видеть.

Подруга уходит, оставляя меня одну, но обещает вернуться чуть позже. Сполоснувшись от пены, я прохожу к настенному зеркалу в ванной и принимаюсь сушить свои рыжие (доставшиеся от мамы по наследству) непослушные волосы феном.

Порой мне хочется без раздумий рубануть длину, достигающую до поясицы, по самые плечи и не мучиться.

Переодевшись в свободные светлые джинсы и футболку, спускаюсь в правое крыло особняка. Именно здесь располагается кабинет Деклана вместе со спальней.

В детстве сильно обижало, что у брата была целая часть дома, а у меня только одна комната наверху. Папа не особо парился по этому поводу, отмахиваясь тем, что Деклан наследник, а сам Декс жутко наслаждался тем, как его выделяют.

Ворвавшись в кабинет брата без стука, застаю его стоя-

щим у окна за телефонным разговором. Коротко обернувшись, он делает кивок головой, указывая на кресло.

Время тянется бесконечной вечностью, пока Деклан обсуждает какой-то груз, застрявший в порту. С каждой секундой я зеваю и одновременно закипаю всё сильнее. Мы не виделись полгода, а он даже не удосуживается обратить внимание на единственную сестру.

— Деклан, — цежу с нажимом спустя минут десять пребывания в унылом, отделанном полностью из тёмного дерева помещении. — Я хочу есть и спать.

Глянув на меня уничтожающим взглядом, брат наконец-то заканчивает беседу и, пройдя к столу, недовольно бросает на него телефон.

— Я в твоём возрасте уже взял часть клана под своё управление, — наследник опускается в кресло. — А тебе не хватает терпения подождать пять минут.

— Десять вообще-то, — не остаюсь в долгу, неприлично указав пальцем на настенные часы. — И я не ты, не забывай об этом.

— И то верно, — брат сдержанно кивает, уставившись с внимательным прищуром, будто оценивает и прикидывает что-то в голове.

— Где отец? И что с ним? — не выдержав долгой паузы, спрашиваю напрямую. Ну не умею я играть словами, увиливать и быть хитрой лисой.

— В ближайшее время не высовывайся за территорию

особняка, — полностью проигнорировав вопрос, даёт указания Деклан.

— Почему папа в Шотландии? Я думала, он серьёзно болен и находится дома?

— Северные в край оборзели, и тебе лучше сидеть здесь. Безопаснее.

Деклан несёт какую-то чушь про соседний клан. Меня мало волнуют их дела и вражда с соседями, поэтому я бесцеремонно его перебиваю.

— Я задала вопрос про отца! Где он? Ты прикалываешься надо мной, Деклан?!

— Я попросил тебя прилететь, а не устраивать допрос, — сухо цедит он, снова отвлекаясь на вибрирующий смартфон.

Прытко поднявшись на ноги, выхватываю из рук брата долбаный телефон, не позволяя ему ответить.

— Ты вырвал меня сюда из Нью-Йорка и не считаешь нужным нормально объясниться?

— Положи на место, — цедит Декс сквозь зубы.

— Иначе что? Запрёшь меня в этом унылом замке графа Дракулы? — усмехнувшись, швыряю телефон, и тот лихо прокатывается по столу, едва не упав на пол. — Пошёл ты, придурок!

Не дожидаясь ответной реакции, я разворачиваюсь и ухожу прочь, не забывая громко хлопнуть дверью.

— Хочешь, чтобы я сидела здесь и тихо ждала, пока вы решите, посвящать меня в дела или нет? — злобно ворчу

себе под нос.

Лавируя между коридорами, я двигаюсь к центральной части дома, а именно к его выходу.

— Не дождёшься, Деклан. Я не собираюсь играть по твоим правилам!

Глава 2

Читающие девушки любят сталкеров

— С ума сошла? — Агата округляет глаза, смотря на меня как на умалишённую. — Ты уверена, что хочешь именно в этот паб? Это же территория Блэквудов!

Поссорившись с братом, первым делом я заявляюсь к семье Мерфи и, едва успев переступить порог, сразу тащу подругу в её комнату.

— Как вы меня достали со своими кланами, — вздохнув, запрокидываю голову, глядя в потолок. — Почему нельзя просто собраться и поехать выпить без лишних заморочек?

За что я люблю Нью-Йорк? За полную свободу передвижения и действий. Там не нужно думать о том, что в эту часть города мне можно, а в другую нельзя. Зато в Дублине это происходит постоянно, так как столица условно поделена между тремя кланами.

Первый – это портовые. Семья Блэквудов. Несложно догадаться из названия о том, что им принадлежит часть, где преобладают портовые зоны.

Второй – центровые. Это наша семейка О’Коннелл, кото-

рой достались все сливки Дублина: недвижимость, бары и рестораны.

Ещё есть третий клан. Те самые Северные. Они занимают пригородные части, промышляя торговлей оружием и ещё бог знает чем.

И именно наш клан не дружит ни с одними из них. Точнее, с Северными по большей части мы держим нейтралитет, а вот с семьёй Блэквудов отношения жутко натянуты последние лет так восемьдесят.

И, признаться честно, я удивлена, что брат в разговоре упомянул не Блэквудов, а Северных, запрещая мне покидать территорию дома из-за них.

— Деклан прийдёт нас, если узнает, что мы были на земле Блэквудов, — Агата опускается на свою небольшую кровать, а я только сейчас почему-то обращаю внимание на то, какая маленькая у неё спальня.

— Не узнает, — тяну с особым нажимом. — Давай, поднимай свой зад. Я видела рекламу этого паба в интернете, там по вечерам танцуют улётный стриптиз. Разве тебе не хочется посмотреть на красивые сиськи?

Распахнув шкаф, осматриваю шмотки Аги на наличие подходящего наряда для сегодняшнего вечера.

— Ты озабоченная, — тихо подошедшая Агата отодвигает меня в сторону и, приподнявшись на носочки, принимается там копошиться.

— Я люблю искусство. А женские тела – это искусство.

— Держи, он новый, — очаровательно улыбнувшись, наблюдаю, как она выуживает вешалку с бомбическим топиком и протягивает её мне. — Купила, а надеть так и не успела: на работе строгий дресс-код.

Сильно не наряжаясь, мы с Агатой переодеваемся в то, что есть в её преимущественно сдержанном гардеробе.

Мне достаётся тот самый новый чёрный топ без бретелек: он прикрывает лишь грудь и ничего более. В сочетании с моими джинсами это смотрится симпатично, но я решаю дополнить образ кожаными шпильками Агаты. Спрятав низ джинсов в сапоги, придирчиво оглядываю отражение.

Не совсем мой стиль, но с короткой косухой подруги смотрится зачётно.

— Чувствую, этим вечером ты подцепишь местного крававчика, — толкаю подругу плечом, когда она крутится перед зеркалом.

Сама Агата надевает тёмные трендовые брюки клёш и лонгслив.

— Не боишься, что тебя узнают? — подружка слегка волнуется, и я её понимаю. Тяжело быть хорошей девочкой.

Единственное, чего мне хочется, — это от души напиться местным пивом и сделать передышку от бешеного ритма жизни.

— Плевать. Никто не знает, как я выгляжу, — отмахиваюсь, не заморачиваясь об этом.

Соседние кланы действительно не знают меня в лицо.

Отец предпочитал не выставлять единственную дочь на всеобщее обозрение, а ещё не брать на их «светские рауты» и сборы. Без понятия, потому ли это, что он заботился о моей безопасности, или же в силу того, что не считал наследницей.

Социальные сети я не веду из-за отсутствия свободного времени и, признаться честно, желания. Поэтому фотографии слить не могут. Единственное, возможно, кто-то следит за моей карьерой в Штатах, догадавшись, что я и есть та самая дочка Кормака О'Коннелла.

С территории особняка мы сбегает окольными путями, как делаем это всегда. Дожидаемся пересменки у охраны и, пока есть пара минут до заступления следующей смены, линяем через заднюю часть забора, ведущего на те самые поля, виднеющиеся из моего окна.

Дальше мы выбираемся на соседнюю улицу, это занимает примерно минут двадцать активного шага, и там уже прыгаем в заранее вызванное такси. И да здравствует свобода!

Гул голосов, смех и тяжёлый запах алкоголя накрывают нас с головой, стоит переступить порог распиаренного паба под названием «*The Black Harp*».

Оглядевшись вокруг, на моих губах расплывается непровольная улыбка. Здесь до ужаса шумно, жутко тесно и, самое главное, живо. Как будто весь Дублин решил провести сегодняшний вечер именно в этом месте.

В помещении стоит приятный полумрак. Этот паб похож на сотни других, но есть в нём что-то особенное. Возможно,

если пройтись взглядом по массивной барной стойке, около которой столпились люди, выкрикивая заказы, можно сделать вывод, что дело в этом.

Или же пробежаться дальше по столам с потёртыми углами и высокими табуретами, задержаться на тёмно-зелёных панелях на стенах, увешанных фотографиями порта, боксёров и ирландских легенд, и подумать, что из-за них.

А может, дело в небольшом подиуме в соседнем зале, где танцуют полуобнажённые девушки. Они крутятся около шестов, но почему-то в их действиях и движениях нет ни намёка на разврат и похабщину. Только медленные, выверенные движения и эстетика.

— Идём! — схватив зависшую Агату, протискиваюсь сквозь кучки беседующих посетителей к бару. — Пинту «Гиннесса»! — выкрикиваю бармену, подняв руку вверх.

Если уж напиваться, то качественной ирландской выпивкой.

— И двойной виски! — добавляет Агата, а у меня в ушах звенит от её звонкого голоса.

Облокотившись на стойку, скольжу довольным взглядом по залу.

Это вам не Нью-Йорк. Люди приходят сюда после работы отдохнуть, поболтать с коллегами и расслабиться. Тут всем наплевать на то, кто ты, сколько зарабатываешь в год и чем занимаешься по жизни.

А ещё всем пофиг, как и во что ты одет. Они смотрят не

на шмотки, а в твою душу.

Подмигнув, бородатый бармен ставит перед нами стаканы с щедро налитым до самых краёв алкоголем. Расплатившись, мы подхватываем холодное, запотевшее стекло.

Пена медленно оседает, и, не теряя ни секунды, я делаю первый жадный глоток. Горький, насыщенный вкус заполняет рот, и я с блаженным стоном отпиваю ещё и ещё.

— Слушай, давай сядем, а? — предлагает слегка окосевшая Агата после бог знает какого бокала виски и наших непрекращающихся разговоров о жизни. — Что-то меня уже ноги не держат! — со смешком добавляет подруга.

— Меня тоже! — согласно киваю, перекрикивая музыку. Подхватив наполовину пустую третью кружку пива, мы пробираемся через дебри здоровяков в соседний зал. — Сюда!

Посетители стоят плечом к плечу, кучкуясь в своих компаниях. Кто-то смеётся слишком громко, кто-то спорит, почти уткнувшись лбами, кто-то уже шатается с полупустым бокалом в руке. И мимо них всех мы лавируем в поисках мнимого уединения.

Это буквально страшный сон интроверта! Если бы я притащила сюда Адалин, свою лучшую подругу, которая осталась в Штатах, кладу голову на отсечение, она сбежала бы в ту же секунду.

Под странное ощущение, что кто-то прожигает во мне дыру своим цепким взглядом, я веду Аги к свободному столику в центре. На нём стоят чьи-то пустые бокалы, но нас это

не смущает, и мы просто брезгливо сдвигаем их в сторону, заменяя своими.

Усевшись, я оглядываюсь по сторонам, пытаюсь понять, откуда взялось это назойливое чувство, что за мной пристально наблюдают.

— Мне кажется, за нами следят, — изрекаю, уверенно расправив плечи.

— Думаешь, Деклан нас спалил? — с нескрываемым ужасом Агата слегка приподнимается, осматриваясь, но я быстро дёргаю её за кофту вниз.

— Да сядь ты, — рыкнув на подругу, делаю очередной глоток. Приятное тепло прокатывается по телу, и я слегка расслабляюсь. — Если бы это был Декс, нас бы уже давно увезли отсюда, а не позволили целый час напиваться у бара.

— Может, какой-нибудь местный пускает по тебе слюни? — заговорщицки шепчет подруга и наклоняется ближе, облокотившись на стол. — Например, вон тот. Кстати, он реально пялится!

Не оборачиваясь, Агата кивает через плечо, и я, проследив её движение, цепляюсь взглядом за бильярдный стол. А если быть точнее, за одного из мужчин, стоящего около него с кием в руках.

Незнакомец без стеснения пялится, делая удар по шару, а я непроизвольно отмечаю, что он выделяется среди местной толпы. Классная стрижка, аккуратная борода и до ужаса красивое тело, обтянутое чёрной рубашкой, закатанной на

рукавах.

Электрический заряд тока проходит по телу, когда мы сталкиваемся с ним взглядами. Пойманный за разглядыванием, он не отводит своих наглых глаз, как и я. Наоборот, он еле заметно приподнимает густую бровь с вызовом.

— Горячий, — протягиваю, поднося кружку к губам. — Я бы с ним почитала молитвы на ночь.

То, с какой хищной расслабленностью парень выпрямляется, вынуждает, как под гипнозом, наблюдать за его малейшим движением.

— Господи, Лилит! — Агата округляет свои красивые зелёные глазки и прикрывает рот ладошкой, заставляя на секунду отвлечься. — Ты ужасная!

Бородатый поднимает свой бокал с борта бильярдного стола и делает короткий кивок головой, переводя взгляд на оппонента. Будто это и вовсе было не для меня.

Бурная фантазия и долгое отсутствие секса побуждают в красках представлять, как этот красавчик душит меня своими руками, покрытыми татуировками. Как накрывает мускулистым телом и, разведя мои бёдра в стороны, жёстко входит своим толстым членом.

— Зато честная, — скорчив гримасу, снимаю куртку и вешаю на спинку стула.

Сама я знакомиться не подойду, это не в моих принципах. А вот заставить это сделать его самого очень даже. Откинув волосы назад, расправляю плечи, выпячивая вперёд свою ап-

петитную двоечку.

— Что ты делаешь? — подруга хохочет, увидев, как я закидываю ногу на ногу, покачивая остроносым ботинком сапог. — Боже, ты его клеишь!

— Я хочу его, — без капли стеснения томно закусываю нижнюю губу, бросая кокетливый взгляд в сторону незнакомца. — А если я чего-то хочу, значит, так оно и будет.

— Ну уж нет, Лил. Нам нужно вернуться домой, пока Деклан не заподозрил твоё отсутствие! — шикает Агата, щёлкая пальцами перед моим лицом. — И вообще, не сходи с ума. С каких пор ты готова переспать с кем попало?

— Сама не понимаю... — проведя пальцем по каёмке кружки, пытаюсь успокоить колотящееся от непонятного волнения сердце. — Я слишком много выпила.

— Агата? Вот так встреча! — перед нашим столиком из ниоткуда вырастает довольно-таки симпатичный молодой человек. Это слегка отвлекает от навязчивых мыслей о беспорядочном сексе с красавчиком из паба.

— Финн, добрый вечер! Не думала вас здесь встретить!.. Агата принимается щебетать с неизвестным лично для меня блондином, а я отвлекаюсь на голос разума.

С каких пор я, Лилит О'Коннелл, привлекаю чьё-либо внимание? Я же знаю себе цену! Пф-ф! Он в ногах должен ползать, чтобы королева снизошла до него.

— Это Лилит, моя подруга, она только сегодня прилетела из Штатов, — доносится голос Аги, и я ненавязчиво машу

ручкой в знак приветствия. — Лил, познакомься, это мой начальник, Финн.

— Приятно познакомиться, Финн. Агата много хорошего о вас рассказывала, — натянув на лицо американскую вежливость и фальшивое дружелюбие, предлагаю мужчине присоединиться к нам и пропустить пару кружек пива.

По правде говоря, я рассчитывала, что он откажется, но местные с их отличающимся менталитетом подобного не улавливают.

Следующий час я оказываюсь втянута в беседу о высоком художественном искусстве, хотя, признаться честно, ни черта в этом не смыслю. Зато Финн обновляет наши напитки, что скрашивает беспросветную скуку.

Должна признать, он довольно-таки симпатичный высокий мужчина с правильным телосложением. Но есть один минус: Финн блондин. А блондины не в моём вкусе.

— К нам в галерею неделю назад привезли на выставку «Поцелуй» Климта, Агата не говорила? — Финн с горящими глазами рассказывает про легендарную, на его взгляд, картину, а я метаю умоляющий взор на подругу. — Лилит, вы должны увидеть её лично! Уверен, вы не останетесь равнодушной.

С прожигающим взглядом на себе я уже свыклась, поэтому игнорирую периодически накатывающие волны мурашек, когда тот самый бородатый и татуированный пялится. Без понятия, каким образом, но я его чувствую.

Почему он ещё не подошёл? Обычно мужчины так долго не затягивают со знакомством. Зачем смотрит так, словно я уже в его постели, но при этом не считает нужным подойти? Смотрел бы на стриптизёрш!

— Финн, можете не сомневаться, я обязательно посетую вашу выставку, — положив ладонь поверх мужской, слегка хлопаю. — Но прошу извинить, я вынуждена вас покинуть на пару минут. Мне срочно нужно размять ноги.

Выдохнув, я наконец избавляюсь от обязанности слушать про живопись, мазки и современное искусство.

Немного пройдясь по залу, я действительно разминаю ноги, оглядывая заметно увеличившееся количество посетителей. В сторону татуированного незнакомца намеренно не смотрю. Много чести.

Правда, тело само плывёт к игорному залу, поближе к нему. Покрутившись около придельанного к стене дартса, выдёргиваю острые дарты и, отступив на приличное расстояние, прицеливаюсь.

Особо не стараясь, я бросаю одну стрелу за другой и, как лузерша, попадаю за границу круга.

— Почему такая красивая девушка скучает? — прозвучавший над ухом хмельной голос на доли секунды заставляет дохлых бабочек в животе сделать жалкую попытку затрепетать.

Мысль, что это *он*, не на шутку поднимает настрой, однако стоит поднять голову, как меня смывает волной разоча-

рования.

Это не он.

— Кто сказал, что я скучаю? — уголки губ уныло ползут вниз, и я возвращаюсь к не особо успешным попыткам попасть в красную точку.

— Я Гарри, — похоже, у парня проблемы с умением считывать женское настроение, раз он продолжает стоять рядом и пытаться завязать достойный диалог.

Надеюсь, не Поттер?

— Очень рада знакомству, Гарри. Но не мог бы ты, пожалуйста, отойти? Я целюсь лучше, когда мне не дышат в ухо, — недвусмысленно намекнув, делаю шаг в сторону мишени, намереваясь выдернуть дротики, но меня останавливает цепкий хват за локоть.

— Считаешь себя выше, чем знакомство в барах? Скажи, на каком сайте тебя снимают, я оплачу по полному прайсу.

Я, конечно, в этой жизни многое о себе слышала, но за проститутку меня принимают впервые.

— Щупальца убери, если не хочешь увидеть их в своей заднице, — цежу сквозь зубы, глядя на наглеца снизу вверх.

— Банально, — продолжает этот чмошник Гарри, но быстро затыкается, ибо за моей спиной звучит убийственно спокойный голос:

— Девушка же тебе доступно сказала: руки свои убери.

Сердце ухает в пятки, стоит мне обернуться. Тот самый красавчик стоит рядом со мной!

И клянусь вам! Долбаный Гарри рисует сквозняк сию же секунду, бросив короткое «прошу прощения».

Так и тянет спросить: «Ты кто такой вообще, о мой спаситель?» Но вместо этого, не изменяя принципам, я говорю иное:

— Я бы и сама справилась.

Развернувшись корпусом к бородатому, подмечаю, что вблизи он ещё крупнее и, чёрт подери, сексуальнее.

— Если это такое «спасибо», то оно принимается, — звучит всё в такой же расслабленной манере.

Ха! Ты облизывался на меня целую вечность, но соизволил подойти, увидев, как клеится кто-то другой?

— Ты всегда вмешиваешься, когда тебя не просят? — прищурившись, мне приходится отступить. Самоуверенный тип проходит мимо, практически соприкасаясь нашими телами, и выдёргивает мои дротики, возвращаясь на исходную позицию.

— А ты всегда язвись вместо того, чтобы благодарить за помощь? — улыбнувшись уголком рта, бросает на меня короткий взгляд.

Забитые татуировками пальцы бросают одну стрелу за другой, точно попадая в самое яблочко. А я, едва ли не давась собственной слюной, разглядываю его покрытые изображениями руки.

Из-за полумрака в помещении и моего слегка размытого алкоголем взора не могу в точности разобрать выбитые слова

и цифры на загорелой коже. К дичайшему сожалению.

— Нет. Только с теми, кто того заслуживает, — на этот раз я забираю воткнутые стрелы, намеренно оттесняя его.

— По-твоему, я этого заслуживаю? — по слегка весёлому тону делаю несложный вывод, что я его забавляю. И это та-а-ак бесит!

— Не знаю, — пожав плечами, прицеливаюсь. — Это ты мне скажи. Мы стоим тут целую вечность, а ты даже не соизволил представиться.

Махнув рукой, бросаю дротик, и он уныло втыкается в стену рядом с мишенью. Позорище.

— Что тебе даст моё имя? — парень делает шаг в мою сторону, от чего дыхание учащается, поднимая грудную клетку сильнее положенного.

Встав сзади вплотную, он нагло кладёт растопыренную ладонь на мой живот, и я невольно подтягиваю таз. По-хорошему бы оттолкнуть его и послать на небо за звёздочкой, вслед за Гарри, но вместо этого я продолжаю стоять, как будто приросла к полу.

Терпкий аромат его одеколona будоражит рецепторы, отчего внутри поднимается первобытное, чуждое мне желание подчиниться.

— Не знаю... — выдохнув, на секунду прикрываю веки, боясь потерять контроль. Я не привыкла к подобному отклику тела, обычно могу себя сдерживать и не плыть перед первым встречным.

Но этот парень... Одним прикосновением он разжёт пожар в моей груди... и не только там.

— Не знаешь? — над ухом звучит непринуждённый смешок, и я с ужасом отмечаю, как оттопыриваются мои соски сквозь плотную ткань топа.

— Может быть, я буду шептать его перед сном? — по задумке это должно было прозвучать весело, но почему-то я слышу свой голос до жути томным.

Обхватив свободной рукой мою, незнакомец делает лёгкий бросок стрелой, попадая точно в цель.

— Это говоришь ты или четыре пинты пива? — его вибрирующий смех отдаётся у меня в груди до жути приятными мурашками.

Не отдавая себе отчёта, я откидываю голову назад, приклоняясь к его крепкому плечу.

— А что, если мы оба? Я и пиво? — кокетничая, я не слежу, как незнакомец продолжает метать в мишень моей ладонью. — Ты следил за тем, сколько я выпила?

— Это плохо? — от соблазнительного, вкрадчивого голоса мои коленки норвят вот-вот подогнуться.

А ещё есть жгучее желание потереться задницей об его пах. Приходится сдерживать себя из последних сил, но, боюсь, это становится практически невозможным.

— Читающие девушки любят сталкеров...

— Любишь читать? — горячее мятное дыхание опалает щёку, когда я слегка поворачиваю голову, желая взглянуть

на него.

— Люблю читать порно-романы. И сталкеров.

— То есть не боишься показаться неприличной?

— Отец с братом всё равно считают меня распущенной американкой, — хмыкнув, облизываю пересохшие губы.

В ответ он не спрашивает о причинах. И его явно не интересует тот факт, почему меня считают американкой. А как же стандартные вопросы о том, откуда именно я прилетела и что делаю в Дублине?

И это ещё сильнее цепляет. Его незаинтересованность.

— А ты себя такой не считаешь? — хватка на моём животе усиливается, и я шумно выдыхаю, не выдерживая сгущающегося вокруг воздуха.

Происходящее вокруг кажется неприличным. Словно мы прямо при всех в этом зале занимаемся сексом.

— Хочешь проверить? — выпаливаю, переставая отдавать себе отчёт.

Несмотря на то что в помещении стоит невыносимая духота, меня пробирает холод, стоит незнакомцу убрать руку и отступить. Секунда тянется вечностью огорчения, прежде чем я снова чувствую его обжигающие ладони на талии.

Парень разворачивает меня, и, честное слово, я вижу в его горящих глазах то же дикое желание, что и в моих.

— Для этого здесь слишком много лишних глаз.

Не давая опомниться, он уверенно переплетает наши пальцы и увлекает меня за собой.

Глава 3

Не ведьма

— О нет, не говори, что ты маньяк и пришьёшь меня в каком-то таком бахе? — дурацкий смех вырывается сквозь приоткрытые губы.

Красавчик открывает дверь без опознавательных знаков, и мы скрываемся в полумраке узкого коридора. Шум голосов и громкая музыка тут же стихают, оставаясь по ту сторону.

— Только если ты сама об этом попросишь, — звучит коротко, всё в той же едва уловимой, насмешливой манере.

Эта чёртова расслабленность мужчины, который точно знает, на что способен...

Мне стоило бы волноваться за собственную жизнь, но вместо этого я поднимаюсь по дубовым ступенькам, следуя за татуированной рукой, крепко держащей мою ладонь.

Интересно, в постели он такой же альфа? Скользнув взглядом по широкому развороту плеч, спускаюсь ниже. Пожар в груди нарастает с каждой секундой при виде его мощных ног и, несомненно, офигенной задницы.

— Да гори оно всё синим пламенем... — прошипев себе под нос, тяну незнакомца назад, заставляя остановить движение.

Парень разворачивается, и я, привстав на носочки, обхватываю дрожащими ладонями его лицо. Не позволяя опом-

ниться ни себе, ни ему, прикасаюсь к его губам.

На долгие секунды он не двигается, замирая, будто не ожидал подобной дерзости. А потом мужская ладонь уверенно ложится на мой затылок, и он перехватывает инициативу.

Горячие губы раздвигают мои, врываясь внутрь нетерпеливым языком.

Ещё никогда прежде я не целовалась так вкусно. Горячо и страстно. Как будто твой рот трахают языком, не давая шанса на отступление.

Стон летит из груди, когда он впечатывает меня в стену, накрывая сверху своим крепким телом. В голове пусто, я вся как оголённый нерв, существую на грани.

Оттянув зубами мою нижнюю губу, он словно испытывает меня на прочность. Прощупывает границы дозволенного, а я с радостью позволяю.

Господи, пусть у него будет большой член. Иначе я не переживу такого разочарования века.

— Мы так и будем стоять здесь, как подростки? — силой воли заставив себя оторваться, я посылаю к чёрту остатки приличия и поглаживаю его оттопыривающуюся ширинку.

Желание узнать, не ошиблась ли я с выбором, окупается с лихвой. Ибо то, каким большим и толстым он ощущается сквозь плотную ткань брюк, не передать словами.

Нужно видеть. Или чувствовать.

— Ты пожалеешь об этом, — татуированный произносит это так твёрдо, что я без тени сомнения свожу фразу к па-

фосному обещанию долгого и изнуряющего секса.

— Ну, если этой ночью ты хотя бы пару раз заставишь меня кончить, то жалеть будет не о чем.

Цепкие ладони ложатся на мою обнажённую талию и поднимают вверх, вынуждая обхватить ногами его туловище. Кожа полыхает от прикосновений, а мне хочется, чтобы он касался везде. И желательно сейчас.

— Полегче, мачо! — с губ срывается довольный вскрик от этих пещерных замашек.

И только когда наши лица оказываются на одном уровне, мой подвыпивший взор замечает, какие у него красивые глаза. А если быть точнее, разные. Один чисто зелёный, холодный и ясный. Второй зелёный, но с карим янтарным оттенком наполовину. У этого феномена есть название, но алкоголь не позволяет его вспомнить.

— Ведьма, — произносит он, прерывисто дыша.

— Я не ведьма. Меня зовут Лилит.

Не выдержав витающую в воздухе страсть, я снова целую его. Жадно и грязно. Не отрываясь от меня, красавчик выбивает ногой дверь, и мы оказываемся в каком-то помещении.

Он не позволяет опомниться. Всё происходит в животной страсти и дурмане похоти.

Вот я уже стою, и меня разворачивают, заставляя опереться ладонями о стол. Большая часть волос застилает взор, но мне наплевать.

Звучит хруст расстёгиваемой молнии, и я понимаю, что

он стянул с меня джинсы вниз. Оглянувшись через плечо, я вижу, как татуированный стоит, опустившись на одно колено.

— О чёрт... — выдыхаю от дорожки влажных поцелуев на бедре.

Мне приходится свести ноги из-за смачного шлепка по ягодице, а затем острой боли от укуса мягкой плоти.

Парень ловко стягивает мои сапоги по очереди и снимает джинсы, отшвырнув их в сторону. Следом я лишаюсь и трусиков, оставаясь в одном топе.

Я не испытываю ни толики стыда. Желание поскорее почувствовать его в себе затмевает разум.

Не знаю, в какой момент он раздевается сам. Подбираюсь лишь, услышав шелест разрываемой фольги, а затем властное:

— Раздвинь ноги шире.

И я подчиняюсь в ту же секунду. Хриплый всхлип вылетает из горла, заполняя собой комнату вокруг так же, как и он меня своим членом.

Несколько интенсивных толчков, и мужская ладонь сжимает мою шею, потянув на себя.

Капелька пота стекает по виску от того, как меня бросает в жар от каждого его проникновения. Мои ягодицы больно ударяются о его массивные бёдра и пах, а мне этого катастрофически мало.

Хочу большего. Слиться с ним в одно целое. Перестать

ощущать границы. Раствориться...

— Ещё! — выкрикиваю, не отдавая себе отчёта.

От активных движений моя грудь подскакивает то вверх, то вниз, и тогда татуированный срывает топик, обхватывая и сжимая каждое полушарие по очереди. Это и есть та самая точка невозврата.

Звук шлепков плоти о плоть смешивается с моим рваным, прерывистым дыханием. Его пальцы, украшенные затейливой вязью татуировок, сжимаются на моей груди так сильно, что остаются белёсые следы, которые тут же наливаются жаром.

— Смотри на меня, — его низкий и вибрирующий голос заставляет обернуться, насколько позволяет хватка на моей шее.

Наши взгляды сталкиваются, и меня накрывает новой волной экстаза. Эти разные глаза сейчас горят одинаковым, нечеловеческим голодом.

— Дьявол... — срывается с губ вместе с горьким стоном. Он делает глубокий, резкий толчок, заполняя меня каждым своим дюймо́м.

Воздуха катастрофически не хватает. Кажется, если он не остановится, я просто перестану дышать. Но я хочу, чтобы это длилось вечно.

Вспышка боли от укуса в плечо смешивается с накатывающей волной оргазма.

— Я близко... — лепечу, желая продлить этот сладостный

миг как можно дольше. Однако для татуированного это становится зелёным сигналом, и он принимается таранить меня сзади до иступления.

Перед глазами рассыпаются искры, а низ живота скручивает тугой, невыносимо приятной судорогой.

— Да-а-а! О... Боже... да!.. — мой крик сотрясает пространство, но, несмотря на это, незнакомец продолжает вкочлачиваться.

Ноги подкашиваются, тело обмякает, и, если бы не его стальная хватка, я бы рухнула прямо перед этим проклятым столом.

Холод пробирает вспотевшее тело до самых костей, стоит ему освободить меня и отстраниться. Пытаясь унять дрожь в коленях, я вдруг оказываюсь развёрнута к нему лицом.

— Мы только начали, — произносит многообещающе.

Не успеваю я опомниться, как сквозь истеричный визг и понимание происходящего оказываюсь закинута на мужское плечо.

— Варвар!

Даже невзирая на то, что помещение вокруг вверх тормашками, успеваю заметить, что мы удаляемся из своеобразного кабинета и перемещаемся в другую комнату.

Лёгкая тошнота подкатывает к горлу из-за частой смены положений, стоит ему опустить меня на твёрдый матрас.

— Ты здесь работаешь? — прикидываю пьяненьким мозгом, осматривая пустое помещение с одной кроватью по цен-

тру.

— Ты всегда такая любопытная, не ведьма Лилит? — оперевшись коленом на кровать, парень одним движением руки снимает футболку, а я едва ли не глотаю язык от вида поджарого тела этого жеребца.

Отползая к изголовью, я борюсь с очередным приливом тепла внизу живота. А ещё с желанием пробежаться пальчиками по его рельефным кубикам пресса и косым мышцам.

— А ты всегда отвечаешь вопросами на вопрос? — рот наполняется слюной, и я сглатываю, представляя, как хорошо было бы облизнуть его покачивающийся от возбуждения член.

Ни с одним из партнёров у меня не было такого. Чтобы внизу всё полыхало и ужасно хотелось продолжения. Секс был для снятия напряжения между тяжёлыми тренировками и неизменным стрессом на льду.

Но с этим самцом я на каком-то интуитивном уровне чувствую возникшую химию и связь. Неужели и он тоже её ощущает?

Или я просто очередная из тех, кто сменяется в его постели? Странно, от этой мысли становится немного неприятно.

Наверное, дело в том, что я не привыкла быть одной «из».

Забравшись на кровать, бородатый хватает мою лодыжку, стаскивая на спину из полусидячего положения, а я понимаю, что на вопрос он так и не ответил. Но зубы, осторожно и одновременно властно обхватившие мой сосок, вынужда-

ют забыться.

Сладкая стрела пронзает всё тело от того, как он посасывает вершинки груди. Вцепившись пальцами в простыни, я отгоняю туман в голове, подбитый пивом и этой дикой, нерациональной страстью.

Парень перемещается ниже, и я чувствую горячее дыхание на своей коже. Его ладонь находит внутреннюю сторону бедра, медленно поднимаясь выше, пока пальцы не касаются самого чувствительного места. Он неспешно массирует клитор, а я окончательно теряю связь с реальностью.

— Пожалуйста... — шепчу, не узнавая собственный голос.

Просить дважды не нужно. Татуированный одним мощным движением раздвигает мои ноги шире и входит в лоно, выбивая из лёгких остатки воздуха.

Я метаюсь по подушкам, не зная, куда деть руки, то ли отталкивать его от избытка чувств, то ли притягивать ещё ближе. Ритм становится жёстким, почти на грани фола, и кровать под нами начинает протестующе скрипеть.

В какой-то момент, когда он нависает надо мной, вколачиваясь с каждым разом всё яростнее, я чувствую ритмичные удары чего-то холодного и металлического по своим щекам и переносице. С трудом сфокусировав взгляд, вижу массивный крест на цепочке, который при каждом его движении прицельно бьёт меня по лицу.

— Эй! — со смехом прикрываю лицо ладонью, пытаюсь

увернуться от очередного «прилёта». — Погоди... Я не пойму, ты меня трахаешь или уже отпеваешь?!

Парень замирает на доли мгновения, его глаза вспыхивают смесью удивления и смеха. Но вместо того чтобы снять цепочку, он перехватывает крестик губами, зажимая его в зубах. Это выглядит так порочно и дико, что у меня перехватывает дыхание.

— Меньше болтай, не ведьма, — рычит он, не выпуская цепочку изо рта.

Прежде чем я успеваю выдать ещё какую-нибудь колкость, он хватается меня за талию и одним рывком переворачивает на четвереньки. Мои ладони больно упираются в матрас, а волосы завесой падают на лицо.

Незнакомец пристраивается сзади, его рука по-хозяйски ложится мне на затылок, слегка прижимая к кровати, а вторая с силой сжимает ягодицу. Новый толчок оказывается настолько глубоким и резким, что я буквально вскрикиваю, кусая губы, боясь перепугать всё здание.

Это уже не просто секс. Это какая-то битва характеров, где я с удовольствием проигрываю. Его движения становятся рваными, дикими. Я чувствую, как напрягаются мышцы его бёдер при каждом толчке, как его пот капает мне на спину, обжигая.

Весь мир сужается до этой пустой комнаты, неудобного матраса и татуированного безумия за моей спиной.

Глава 4

Большая ложь

Яркое солнце, пробивающееся даже сквозь мутные стёкла, заставляет поморщиться. Прикрыв лицо ладонью, я открываю глаза, тихонько простонав.

Господь, чё ж так неудобно-то?

С трудом сглотнув сквозь наглухо пересохшее горло, медленно осматриваюсь вокруг и замираю.

Вопросы о том, почему спина ноет, отпадают. Здоровенная рука, покоящаяся на моей пояснице, тому причина.

Дьявол. Я действительно переспала с первым встречным.

Голова раскалывается, но, игнорируя тупую боль в висках, я аккуратно выползаю из навязанных объятий, не желая разбудить эту гигантскую машину, что имела меня во всевозможных позах до самого рассвета.

Тут два варианта: либо у него давно не было женщины, либо этот парень просто ненормальный и помешанный на сексе.

Облизнув сухие губы, на носочкахдвигаюсь к двери, почти как мышка, но всё же оборачиваюсь.

Почему-то мне хочется запечатлеть в памяти момент: как он лежит на животе, с одной поднятой вверх рукой.

Взгляд жадно скользит по мускулистому обнажённому телу, шикарной заднице и татуировкам, которые не успела рассмотреть раньше.

На спине, между лопаток, у брюнета крупный рисунок: зверь с крыльями, а под ним женщина. Их фигуры сцеплены, то ли в драке, то ли в безумных объятиях.

Плечи и руки забиты плотно: готические надписи, чёрные узоры, грубые линии. Может, он какой-нибудь сектант?

На одном предплечье крупный шрифт, на другом – символы и тёмный орнамент.

Кисти тоже в тату: короткие слова и знаки, а ещё три тройки. Интересно, что они значат?

На ногах лица людей. В одном из них я узнаю Тони Монтану с сигарой в зубах. Какая ирония: этот чувак даже не догадывается, что занимался сексом с дочерью настоящего мафиози.

В мыслях проносится эхом: вряд ли мы с тобой ещё когда-нибудь встретимся, красивый дяденька. Но эту ночь я запомню до конца своих ярких дней.

Переместившись в соседнее помещение, я убеждаюсь во вчерашних догадках. Это действительно похоже на кабинет. Добротный стол, царское кресло. Дорогой ноутбук с эмблемой откусанного яблока.

Судя по всему, он реально здесь работает. И, похоже, при-

ташил меня в кабинет начальника. Зашибись.

Под размышления о том, что я не узнала его имени, собираю свои разбросанные по полу вещи и шустро одеваюсь. Выбравшись в тот самый коридор, аккуратно закрываю за собой, как оказалось, скрипящую дверь. Спешно спустившись по лестнице, я оказываюсь в зале паба и ловлю на себе слегка удивлённый взгляд бармена. В это время он поднимает стулья на столы.

Переводя внимание с меня на дверь, оставшуюся за спиной, он явно проводит в голове причинно-следственную связь.

— Я вас провожу, — наконец произносит парень ровным тоном, указывая вытянутой рукой на выход.

Благодарно улыбнувшись, я догадываюсь, что подобные «ночёлки» молодых девушек у них тут не редкость. И нет, мне не стыдно.

Молодость и нужна для того, чтобы брать от неё всё, что полагается. Отрываться, заниматься безопасным сексом, веселиться, напиваться. В свободное время, без ущерба работе, учёбе или тренировкам, конечно же.

Оказывается, ждать такси на улице в холодную погоду не особо приятное занятие. Особенно если на тебе нет верхней одежды. Стуча зубами, я трясусь, обнимая себя ледяными руками.

Как-то я совсем не подумала о последствиях, оставив куртку на стуле рядом с Агатой и слиняв с красавчиком. Спа-

сибо хоть телефон в кармане был. Так бы и машину не смогла себе вызвать, да и расплатиться.

Домой я возвращаюсь через центральный въезд, а не окольными путями. Побоялась, что тогда моё окоченевшее полуголоое тело, покрытое инеем, нашли бы на лугах с признаками обморожения.

Под ошарашенные взгляды охраны я выбираюсь из машины такси и топаю к гигантским кованым воротам.

— Выходила прогуляться, пока вы, ребята, были заняты, — похлопав одного из мужчин по плечу, я юркаю во двор и спешной походкой несусь в дом к Мерфи.

— Я чуть с ума не сошла! — вопит Агата, увидев меня на пороге. — Я тебе сто раз звонила и писала! Где ты была всю ночь?!

Затащив меня внутрь, подруга ведёт в спальню и устраивает допрос с пристрастием.

— Я была в пабе, — улыбаясь, как дурочка, падаю на застеленную пледом кровать, мечтательно раскидывая руки по сторонам. — Наверху...

— Что значит «наверху»? — Агата опускается рядом, нависая надо мной.

— Ой, флэшбеки накатили, — прыснув от смеха, отгаликиваю от себя брюнетку.

Яркие картины прошедшей ночи, как этот сексуальный мерзавец вколачивался в меня, заставляют бесстыжие щёки пылать.

— Ты невыносима, Лилит О’Коннелл! — подруга фыркает и ложится по правую сторону, в то время как я поднимаюсь и усаживаюсь, скрещивая ноги.

— Аги, это была лучшая ночь в моей жизни... невероятная... — вздохнув, прикрываю веки. — И понимаешь, дело даже не только в самом сексе! Не знаю, как объяснить... У него была такая энергетика, прям настоящего мужчины. Доминанта.

Я принимаюсь рассказывать подруге, активно жестикулируя руками, но не углубляясь в детальные интимные подробности.

— Ты ещё скажи, что решила задуматься о БДСМ-практиках! — Агата повторяет мою позу, устраиваясь напротив. В глазах подруги отплясывают смешинки от моего лиричного настроения.

— Да при чём тут БДСМ? — цокнув, закатываю глаза.

— Ну ты же сама сказала, что от него шла энергетика доминанта, — последнее слово она нарочно растягивает.

— И что? Он же не подвешивал меня к потолку и не связывал верёвками!

— А ты откуда знаешь, чем эти извращуги занимаются?

— Агата, если ты ханжа, то это не значит, что люди, которые любят ощущения поострее, извращенцы, — мельком оглядевшись вокруг, вспоминаю о том, что жутко хочу пить. — А есть водичка? А то в горле пустыня.

Подруга приносит налитый до краёв стакан воды, и я по-

что сразу залпом его осушаю, попросив добавки.

— Держи, алкогольчика, — брюнетка с грохотом ставит на прикроватную тумбочку целый графин с водой. — Не хочу ходить по сто раз, а то у меня после виски тоже самочувствие не особо.

— Что у вас с этим Финном? — вспомнив про её блондина-начальника, заговорщицки уставляюсь на подругу. — Колись давай!

— Ничего подобного, — Агата морщится, изображая, что её сейчас стошнит. — Он просто мой начальник.

— Знаем мы таких начальников, — многозначительно поиграв бровями, нападаю на подругу, повалив её на постель. — Колись, пытался к нашей скромнице в трусики пробраться?

— Фу-у-у! Нет! — брюнетка отпихивает меня, наваливаясь сверху. — Я, в отличие от некоторых, избирательна в выборе половых партнёров.

— Ой, ну подумашь, один раз переспала с каким-то чувачком! И что? Ты теперь от меня отречёшься?!

— С сегодняшнего дня я не буду пить с тобой из одного стакана! Мало ли, что ты там делала своим ртом с ним наверху! — Агата гогочет на весь дом, щипая меня за руки, живот и любые части тела, что ей попадают.

— До этого мы не успели дойти! — задыхаясь от смеха, я пуще прежнего нарочно провоцирую её. — Но я была бы не прочь! У него, знаешь, как здоровый? — расставив ладони

на расстоянии друг от друга, демонстрирую размер агрегата бородача. — Во-о-о-т такая валына!

— Заткнись! Я не хочу этого знать!

— Это тебе не вибратор, дорогая Агата!

— За-мол-чи-и-и-и! — Аги закрывает мой рот ладонями, и я сдаюсь, окончательно обессилен.

— Не могу поверить, что столько лет жила и не знала, что такое качественный секс.

— У меня сложилось такое впечатление, что я откуда-то его знаю, — немного успокоившись, задумчиво изрекает подруга. — Очень знакомое лицо.

— Может, он приходил к вам в галерею? — предполагаю, пожав плечами. — Хотя вряд ли такой тип может интересоваться искусством.

— А как его зовут?

— Он так и не представился, — поджав губы, утыкаюсь лицом в подушку. — У меня нет его номера, и я понятия не имею, как его зовут.

— Звучит как начало романтической комедии, — мечтательно тянет лежащая рядом.

— Или драмы, — добавляю, не шелохнувшись. — Думаю, я буду вспоминать этот секс вместо просмотра порно, чтобы возбудиться.

— Можно я не буду это комментировать? Лучше пошли позавтракаем, да завалимся спать. Выходной же.

От завтрака я отказываюсь, но с удовольствием выпиваю

кружку чёрного кофе. Вопреки всем законам, именно от кофе меня клонит в сон, что очень удачно, ведь я планирую до приезда отца провести день в постели.

Примерно минут через пятнадцать я натягиваю поверх топа свою оставленную футболку. Аги любезно предлагает укутаться в кардиган, и я соглашаюсь, пообещав, что завтра верну её вещи, предварительно постирав.

Спешно шагая по траве в сторону особняка, я мечтаю не наткнуться на кого-то из персонала дома или, хуже того, на Деклана. Видеться с братом у меня нет желания, а учитывая то, как я выгляжу сейчас, и подавно.

— Что ты тут делаешь? — конечно же, закон подлости настигает меня в самый неудачный момент. — И почему ты в таком виде?

Голос Деклана звучит как неожиданная пощёчина.

Ну подумаешь, всклокоченные непричёсанные волосы, размазанная косметика на лице и, в довесок, чужая одежда.

Немного выдохнув, дьяволёнок внутри меня готовится устроить шоу.

Ну что ж...

Подняв голову на брата, примеряю на лицо ошарашенную маску. Деклан идёт на меня, и я нарочно громко вскрикиваю, отшатываясь назад.

— Что я здесь делаю?! — кручу головой во все стороны, якобы осматриваясь. — Почему я на улице?!

Брат смотрит на меня как на умалишённую и даже замед-

ляет шаг.

— О боже, я лунатик! — я проношусь мимо Деклана, тщательно сдерживая рвущийся наружу хохот. — Я хожу во сне!

Мчась по громадной территории, я влетаю в особняк и закрываюсь в спальне, дав волю эмоциям.

Вдоволь посмеявшись, не обращая внимания на разбитое состояние и тянущее чувство после бурного столкновения кое с кем, я тщательно принимаю душ. Зачем-то пытаюсь принюхаться к собственной коже в надежде почувствовать на ней его запах.

Такой бред...

Искупавшись, мажусь всевозможными кремами, наглухо закрываю плотные шторы и ныряю на поистине роскошные перины, закапываясь в одеяла и подушки.

Почему-то на душе такое неопишуемое счастье, что у меня в груди дико зудит написать самому близкому человеку на свете.

Лилит: Уже соскучилась по тебе, моя сладкая булочка.

Несмотря на большую разницу во времени между Дублином и Нью-Йорком, ответ приходит незамедлительно.

Адалин: Это пранк?

Лилит: Почему?

Нахмурившись, уставляюсь на экран, где видно, как подруга в настоящем времени печатает ответ.

Адалин: Ты пишешь в такое время и называешь меня ласковыми словами! Всё хорошо?

Лилит: Я решила сказать, что ты одна из немногих людей, кого я люблю сильнее жизни. Жалко, что твоё сердце принадлежит кое-кому другому :)

Адалин моя самая близкая и лучшая подруга детства. Большую часть времени мы всегда проводили вместе, так как обе занимались у одного тренера.

И как бы сильно я ни обожала Агату или других своих приятельниц, Ада занимает большую часть моего сердца. Она больше, чем подруга, скорее сестра. Именно от неё у меня нет ни одного секрета. И я всегда знаю, что она будет на моей стороне. Придёт на помощь и не осудит.

Адалин: Это так мило ♥# И я люблю тебя, мой рыжик! Не пиши глупостей, ты всегда в моих мыслях.

Вздыхнув, вспоминаю крайние месяцы в Нью-Йорке перед отлётом в Ирландию, и меня пробирают морозные мурашки. Это был сущий кошмар. Я разрывалась между тренировками и состоянием Ады, но это уже другая история...

Лилит: Почему не спишь? У вас же четвёртый час утра?

Адалин: Не спрашивай *много смеющихся смайликов* Хихикнув, искренне радуюсь, что личная жизнь подруги в конечном итоге сложилась наилучшим для неё образом.

Лилит: Ладно, позвони, как проснёшься утром. У меня есть что тебе рассказать. Куча пикантных подробностей восемнадцать плюс.

Адалин: Лилит О'Коннелл, грех так интриговать! Рас-

сказывай сейчас!

Лилит: Нет. Это нужно слушать!

В итоге кое-как мне удаётся померить интерес подружки и пообещать, что, когда у них наступит утро, я обязательно всем с ней поделюсь.

Отбросив телефон, я с дурацкой улыбкой на губах поудобнее устраиваюсь на накрахмаленной постели, чувствуя себя какой-то принцессой из прошлого.

В моей двушке в Нью-Йорке, которую подарил отец на совершеннолетие, совсем иной, как это модно сейчас говорить, вайб. Там всё современное, в светлых оттенках. Я обставляла её по своему вкусу и люблю каждую мелочь и деталь.

Но здесь, в этом особняке, я будто перемещаюсь в другой мир.

Балансируя между сном и явью, я вдруг ловлю себя на странной мысли: как после такой активной жизни в Штатах я умудрилась именно в этой деревушке наткнуться на столь ценный сексуальный экземпляр?

А затем блаженно отключаюсь.

Громкий стук заставляет меня поморщиться и кое-как, разлепив один глаз, осмотреться.

Сколько я проспала?

— Лилит! — звучит голос Фионы из коридора. — Лилит, открой! — с нажимом повторяет управляющая.

— Минуту! — мне хотелось бы крикнуть погромче, но осипшее горло не позволяет. Я отбрасываю со вспотевшего

тела одеяло и с ощущением, что голова весит целую тонну, поднимаюсь.

Меня болтает во все стороны, пока я плетусь по холодному деревянному полу и распахиваю дверь.

— Мистер О'Коннелл приехал ещё несколько часов назад, — говорит женщина приглушённо. — Я оттягивала, как могла, чтобы ты выспалась, — мать Агаты выпрямляется, бросая взгляды по сторонам. — Но он уже злится, потому что ты не появляешься. Приведи себя в порядок и загляни к отцу. Он ждёт у себя.

— Хорошо, — зевнув, согласно киваю. — Спасибо, Фионочка. Ты чудо.

Сложив ладони, благодарю управляющую, за что она качает головой, назвав меня ребёнком.

У нормальных людей встреча с родителями вызывает воодушевление. Возможно, кто-то сильно скучает. В нашем же случае я скорее ощущаю, что иду «на ковёр» к вышестоящему по должности. К главе клана, если дословно.

Нет, я люблю папу. Он дал мне жизнь, предоставил финансовую подушку, подарил квартиру в Штатах и ежемесячно переводит заоблачные суммы на расходы. Но между нами нет той самой особенной связи папы и дочери. Он никогда не обнимал меня и не целовал, говоря, как сильно любит. По крайней мере, в осознанном возрасте я этого не помню.

Кормак О'Коннелл, глава клана, не привык демонстрировать любовь. Со стороны он кажется неспособным испыты-

вать чувства, но я верю, что папа любит меня. Хотя и в душе. Просто демонстрирует это иным, доступным ему способом, деньгами.

Если бы ему было наплевать, разве захотел бы он меня видеть, заболев? Забирал в Ирландию на каждые каникулы и праздники? Одаривал подарками? Учил ходить на охоту, ездить верхом и водить машину?

Я не росла залюбленным ребёнком, но всегда была воспитана, немного избалована, хорошо одета и сыта.

Но тем не менее я сильно завидовала Адалин и её отношениям с отцом. По-доброму, во мне не было чёрной зависти. Когда я приезжала к ней в гости, для меня порой было дико, как мистер Князев мягко относился к дочери. Она была для него особенной. И я тоже хотела быть особенной...

Стоя посередине спальни, я прикидываю, успею ли быстро ополоснуться, сбив вялость ото сна. Немного поразмыслив, решаю, что лучше поскорее спуститься к папе.

Я переодеваюсь в мягкое вязаное платье в пол и собираю непослушные волосы в высокий хвост. Не особо люблю женственные наряды, дело в главе семейства. Он не приветствует мужскую одежду на женщинах.

В левое крыло особняка, где, собственно, располагается отцовская часть дома, я спускаюсь уже через минут десять.

Фокус со входом в кабинет без приглашения, как я это делаю с Декланом, здесь не проходит. Поэтому вынужденно делаю два коротких стука и жду.

— Входи, — звучит сухое одобрение.

— Привет, — аккуратно шагнув в помещение, скользнув взглядом по отцу, сидящему за работой, и немного успокаиваюсь от мысли, что он выглядит как и прежде

Глава клана разбирает бумаги, вчитываясь в какой-то документ. Слегка приспущенные очки для зрения намекают на то, что мистер Кормак уже не молод.

В свои шестьдесят лет папа хорошо сохранился. Крупным телосложением и тёмными волосами Деклан пошёл в него. Единственное, что их отличает, это небольшой шрам, тянувшийся у отца по щеке. Говорят, что это он в молодости в драке получил удар ножом по лицу.

— Как дела? — обогнув стол, коротко чмокаю его в щёку и отступаю в ожидании.

— Садись, — отец, не глядя на меня, кивает на свободный стул. — Есть разговор.

Конечно, есть. Наверняка он хочет поделиться тем, что ему нездоровится. И именно в эту минуту мне становится страшно, что я могу его потерять. Что однажды папы не станет и мне не к кому будет приезжать в Ирландию. Что я больше не смогу назвать кого-то папочкой, хоть и за глаза.

Эгоистично в такой момент думать о себе. Ведь меня волнует именно то, как я смогу жить без него, а не то, что такой великий человек, как Кормак О'Коннелл, может умереть.

Но то, что произносит отец, наконец отложив пергамент в сторону, лишает дара речи. А вогнать меня в шок не так-

то и просто, поверьте.

— Ты выходишь замуж, — снимая очки, он смотрит на меня в упор.

Глава 5

Без права выбора

— В следующую среду ты выходишь замуж, — продолжает папа, а я сижу в оцепенении.

— Ты уже здесь, отлично, — голос брата за моей спиной доносится будто сквозь вакуум.

— Я сообщил Лилит, — сухо цедит отец, обращая внимание на наследника. — Начинайте подготовку к свадьбе.

— Ты знал? — жгучая обида пускает в душе яд. Я поворачиваюсь к Деклану и смотрю на него неверящим взглядом. — И молчал?

Не то чтобы мы с Дексом были не разлей вода и меня ранило его молчание. Тут дело в другом.

— Не устраивай драму, — Деклан, не выражая никаких эмоций, вальяжно рассаживается напротив.

— Драмую?! — я не помню, как поднимаюсь. Только стою и смотрю на него сверху вниз. — Ты обманул меня! Сказал, что папа болеет!

— Что ты сделал? — отец вскидывает бровь, откинувшись на спинку сиденья.

— Она бы не прилетела, если бы я сказал правду, — словно меня тут нет, отвечает брат главе клана.

Какого-то чёрта на лице отца мне мерещится подобие одобрительной улыбки.

— Я вообще-то здесь! Не нужно говорить обо мне в третьем лице! — тело бросает в жар от подступающего гнева.

— Сядь на место, — рыкает папа, и я медленно поворачиваюсь на него. — Ведёшь себя как дешёвая актриса. Вся в свою мать.

Деклан делает лёгкий, едва заметный кивок, как бы намекая подчиниться от греха подальше.

— Я не хочу выходить замуж за человека, которого не знаю! — переводя взгляд с одного на другого, сглатываю.

— Узнаешь после свадьбы, — незамедлительно вставляет свои пять копеек старший брат.

— Тут не важно, чего хочешь ты, Лилит, — теряя терпение, бросает Кормак. — Главное, что нужно семье.

— Что значит «не важно»? Я живой человек, а не ваша вещь! — отступив на шаг, нервно усмехаюсь.

— Ты принадлежишь клану. И делать будешь то, что тебе скажут, — отрезает отец. — Ты выходишь замуж за Ронана Блэквуда.

— За Блэквуда?! — нервно уставившись на отца, не верю своим ушам. — Вы прикалываетесь надо мной? Вы же воюете с ними всю свою жизнь! С какого хрена я должна выходить за него замуж?!

Я вздрагиваю от того, с какой силой отец ударяет кулаком по столу. По позвоночнику тут же ползёт морозная дрожь.

— Следи за своей речью, — мужское лицо перекашивается от гнева, а кожа становится бордового оттенка. — Раз я сказал, что ты выходишь за Блэквуда, значит, так и будет.

— Не выйду! — в сердцах выкрикиваю, сжав кулаки до побеления костяшек. — Я даже не в курсе, как он выглядит!

— Лилит, — предупреждающе тянет брат, призывая померить пыл, но мне плевать на его предупреждения.

— Что «Лилит»? Вы с ума тут оба посходили? С какой радости я должна выходить замуж?! — дьявольская натура, не привыкшая к тому, что ей могут командовать и принуждать, вырывается наружу. — Я прилетела сюда с одним чемоданом на неделю. Оставила всю свою жизнь и тренировки в Нью-Йорке!

Глава спокойно поднимается на ноги, опираясь на стол, и я, запнувшись, затыкаюсь.

— То есть твой ответ «нет»? — интересуется нарочито спокойно.

— Конечно, нет!

— Если ты сейчас откажешься, — отец делает многозначительную паузу, а я машинально бросаю взгляд на мрачное лицо брата, — то ноги твоей больше никогда в этом доме не будет. Можешь забыть сюда дорогу.

Наверное, это впервые в жизни, когда мне хочется заплакать от обиды. Комок подкатывает к горлу, и я тяжело сгла-

тываю.

— То есть для вас важнее подложить меня под кого-то? Ты так легко готов отказаться от меня, папа?

— Если ты готова отказаться от меня, — слегка наклонив голову набок, равнодушно констатирует он.

Они перекалывают вину и ответственность на меня. Будто это я такая плохая и не готова жертвовать собственными интересами ради семьи.

Но я не хочу становиться женой так рано!

К глазам подступают слёзы, и я отшагиваю спиной к двери.

— Что ж, раз так, тогда счастливо оставаться, — одинокая слезинка скатывается из глаз. Нащупав ручку двери, нажимаю её и вываливаюсь из кабинета, убегая прочь.

Буквально взлетев на третий этаж, я врываюсь в спальню и, вытащив из гардеробной чемодан, швыряю его на пол. Срываю с вешалок шмотки, которые прислуга успела развесить, и как попало пакую обратно.

Каждую клетку тела трясёт, а к горлу подкатывает жуткая тошнота.

Они не могут меня заставить.

Нужно уезжать как можно быстрее.

Нервно оглядываясь на дверь, я почему-то с ужасом жду, что сейчас сюда ворвётся отец или брат и запрет меня. Но этого не происходит.

На удивление, я успеваю собраться и даже заранее вызвать

такси. Чемодан удаётся застегнуть только с третьей попытки из-за натянутых, как струна, нервов и дрожащих рук. Накинув на себя куртку, обувая кеды и бегом спускаюсь на первый этаж.

Я не оглядываюсь, не стараюсь запомнить это место, хотя отчётливо понимаю, что никогда сюда не приеду. Отец не бросает слов на ветер. Если глава клана однажды от кого-то отвернулся, значит, этого человека не будет в его жизни.

Можно умолять, ползать на коленях, но все попытки потерпят неудачу. Если тебя вычеркнули из жизни, это навсегда.

Плохая ли я дочь, раз отказалась выходить замуж по указке? Наверное.

Но мне всё равно. Возможно, однажды я буду жалеть о том, что стала причиной разлада с семьёй, но сейчас во мне горит обида.

Если отец способен отказаться от дочери, её ли это вина? Или он её недостаточно любит и ценит?

Уверена, есть куча других способов примириться с враждующим кланом, нежели лишить собственного ребёнка свободы и заставить прожить лучшие годы с нелюбимым.

Машина такси ждёт у ворот, и я без сомнений ныряю в тёмный салон, позволяя увезти меня из этого места.

По дороге я успеваю купить билеты на ночной рейс до Нью-Йорка и прикидываю, через сколько все мои счета будут заблокированы с подачи родителя.

Эх, нужно было быть умнее и слушать маму. Откладывать деньги на личный счёт, не касающийся отца.

Решив, что этого мне пока что никто не может запретить, я перевожу кругленькую сумму на чёрный день. Подлю? Возможно.

Вибрирующий телефон уведомляет о входящем звонке от Адалин.

— Ну что, я готова слушать, — радостно заявляет подруга с того конца провода.

— Извини, малыш, но мне сейчас не очень удобно говорить, — повернувшись к окну, вглядываюсь в огни ночного Дублина. — Завтра я буду в городе. Сможешь увидеться?

— А почему так быстро? — скептически уточняет моя блондиночка.

— Ой, долгая история. Папаня решил выдать меня замуж, но быстро обломался.

— Чего-о-о? — удивлённо протягивает Ада. — Блин, ладно. Не буду сейчас грузить. Давай с аэропорта сразу к нам, хорошо? Тебя нужно встретить?

— Нет, сама доберусь, — вздыхаю, ощущая внутри странную пустоту. — До скорого.

Отчаяние душит меня, но я заталкиваю эмоции в глотку. Не буду плакать. Сокрушаться и страдать.

И плясать под чужую дудку тоже!

Пусть всё горит синим пламенем, но я не позволю принести себя в жертву.

Мне всегда была до одного места их вражда. Я даже не вникала в причины, просто мирилась с тем, что родилась в необычной семье. Так почему сейчас я должна против своей воли становиться той, кто положит конец войне?

С какой стати?

Машина такси резко тормозит, и я от неожиданности падаюсь вперёд, но успеваю прикрыть лицо и не удариться о переднее пассажирское сиденье.

— Можно поаккуратнее! — рывкаю, а затем прикусываю язык, понимая причину остановки.

— Извините, мисс... — мямлит водитель, а я, стиснув зубы, наблюдаю, как из впереди стоящей машины, которая подрезала нас и перекрыла дорогу, выходит Деклан вместе с каким-то здоровяком.

Они оба, не скрывая, демонстрируют оружие, сразу давая понять, что отступать некуда. И бежать бессмысленно.

— Заблокируйте двери! — командую, быстро сообразив, и водитель тут же щёлкает замками. — Уезжайте отсюда! Ну не стойте же на месте!

Сердце ускоряет бег, когда я осознаю, что нам перекрыли дорогу спереди, сбоку и сзади тоже, подперев со всех сторон.

Деклан вальяжной походкой подходит к ближайшей от меня двери и безуспешно дёргает ручку.

— Выходи, Лилит, — спокойно требует брат, а я отодвигаюсь подальше.

— Вы их знаете? — сидящий за рулём оборачивается,

смотря на меня с подозрением. — Тогда выходите, мне не нужны проблемы.

— Езжай! — махнув рукой, прикрикиваю. — Протарань ту машину, я не знаю! Сделай хоть что-нибудь! Я оплачу ремонт, чёрт возьми!

— Ли-лит, — брат издевательски барабанит пальцами по крыше седана. — Выходи, сестрёнка.

— Вон пошла! — проклятый водитель щёлкает блокировкой, и Деклан тут же открывает дверь. Заглянув в салон, он протягивает руку, чтобы схватить меня, но я выскакиваю наружу с противоположной двери, около отбойника.

Попробуйте меня сначала догнать, уроды!

Быстро сориентировавшись в пространстве, я перелезаю через металлическую ограду, разделяющую дорогу на две части.

— Стой, дура! — доносится крик Деклана, и я, не удержавшись, поднимаю руку вверх, показывая брату средний палец.

Летающие машины сигналият, а я, толком не соображая, бросаюсь прямо на оживлённый участок движения. Ей-богу, мне чудом удаётся не оказаться под чьими-то колёсами и перебежать на другую сторону.

А дальше уже куда глаза глядят...

Я убегаю, не думая о том, куда и зачем. Ноги несут меня подальше от горе-родственника и его свиты.

Вот чувствовала же задницей, что просто так они не от-

пустят. Только почему брат бросился в погоню, а не остановил меня ещё дома? Зачем выпустил с территории особняка? Решил предоставить иллюзию свободы?

Ветер хлещет в лицо, разлетающиеся во все стороны волосы застилают глаза, и мне приходится без конца отбрасывать их назад. В какой-то момент шестое чувство подсказывает обернуться.

— Сука... — выдыхаю сквозь зубы, увидев бегущего позади здоровяка.

Сердце отплясывает чечётку в горле. Кажется, что оно вот-вот выпрыгнет наружу.

С оглушающим визгом шин передо мной тормозит внедорожник, из которого выпрыгивает ещё один такой же кабан.

— Отпусти! — взвизгнув, я отталкиваю от себя незнакомца, но он вцепляется нечеловеческой силой и волоком тащит меня к своей тачке. — Отвали, твою мать!

— А вот мать мою не трожь, — швырнув меня в салон, как мешок с картошкой, он садится следом, зажимая посередине, между собой и, чёрт подери, Декланом.

— Какого хрена, Декс?! — мой ор заполняет всё пространство салона, но, несмотря на это, автомобиль трогается.

— Есть разговор, — брат звучит предельно спокойно.

— Для этого ты решил меня похитить?!

— Похитить? — родственник усмехается, обнажая идеальную улыбку. — Смешная ты, Лилит. Какой идиот станет похищать сестру?

— Например ты! — вскинув ладони, указываю на него с самой что ни на есть нервной идиотской улыбкой на лице. — Немедленно выпустите меня! Я улетаю домой! Я гражданка Соединённых Штатов Америки, и вы не имеете права удерживать меня в Ирландии!

Запрокинув голову, Деклан искренне смеётся, а мне хочется врезать ему и пустить кровь.

— Поговорим и катись на все четыре стороны, — поте-рев лицо, брат успокаивается. — Тут тормози, — обращается уже к водителю, и тот прижимается к обочине, снижая скорость. — Выйдите все.

Салон пустеет, внутри остаёмся мы вдвоём. Стоит сидящему по другую сторону свалить, я сразу же отодвигаюсь от старшего брата подальше, скрещивая руки на груди.

— Говори, что хотел. Хотя, признаться честно, после того как ты обманом заманил меня в эту дыру, я не имею ни малейшего желания видеть и слышать тебя. Будь ты проклят, Деклан.

— Что было шесть лет назад? — густую тишину разрезает размеренный мужской баритон.

— Свободная и беззаботная жизнь без мыслей, что вы решили продать меня, как старую лошадь на убой? — ухмыляюсь, глянув на него с отвращением.

— Помнишь, как ты умоляла помочь твоей подруге? — вопрос брата застаёт врасплох, и я замираю, несколько раз моргнув. — Просила разобраться с придурками, обидевши-

ми её?

— Помню. Я помню! — отвечаю нервно, лишь бы он не продолжал.

Почти шесть лет назад я действительно обратилась за помощью к Деклану. У меня не было иного выхода.

— Адалин Суарес. Или правильнее будет сказать, Князева? — Деклан внимательно впивается в меня хищным взглядом.

Я узнала о том, что над моей лучшей подругой надругались игроки хоккейной команды, тренировавшейся с нами в одном ледовом дворце. Это было групповое изнасилование, которое эти твари снимали на видео, а позже стали хвастаться им и показывать другим.

Я металась и не могла найти себе места. Тогда-то и пришла мысль попросить Деклана разобраться с ними. Заставить стереть все записи и закрыть свои поганые рты. Брат помог. Эти уроды молчали много лет, пока их всех не убил мужчина Адалин, узнавший о её личном кошмаре.

— Её брат в курсе того, что произошло?

— Конечно, — вру, не моргнув и глазом, догадываясь, к чему он ведёт. Станет шантажировать, что расскажет Арту? — Совсем недавно она призналась ему. Этой осенью.

Артём Князев, глава русского клана «Кольт» в Нью-Йорке и старший брат Адалин. Он не знает, что произошло с его сестрой в прошлом, и надеюсь, что никогда не узнает этих страшных деталей.

— А что? Ты догнал меня, чтобы поностальгировать о прошлом? — наигранный смешок срывается с губ. По позвоночнику ползут неприятные мурашки от плохого предчувствия.

— А он видел те записи?

— К-какие записи? — запинаясь, сглатываю.

Словно смертельно устал, Деклан опускает руку вниз и достаёт непонятно откуда планшет. Проведя пальцем по гаджету, брат нажимает кнопку, и салон заполняет истошный женский вопль.

— *Пожалуйста! Нет!* — визжит моя бедная подруга. — *Не надо! Я умоляю!*

Зажав рот дрожащей ладонью, я в ужасе наблюдаю, как он разворачивает ко мне экран. На видео эти звери удерживают хрупкую Адалин, грубо разрывая на ней платье для выступления. Один из мразей давит ей на плечи, заставляя опуститься на колени, а другой расстёгивает ширинку, становясь напротив.

— Выключи! — зажмурившись, закрываю уши, не в силах слушать рыдания лучшей подруги. — **ВЫКЛЮЧИ!** — взревев, повторяю с нажимом.

Жжение на запястье заставляет распахнуть глаза именно в тот момент, когда Деклан отрывает мою руку.

— Ты же у нас умная девочка, сама всё прекрасно понимаешь, — брат убирает планшет вниз, отключая его.

— Какого хрена у тебя делают эти видео?!

— Не переживай, я их удалю. Но если ты будешь слушаться.

— Я, по-твоему, непослушный ребёнок?! — выбрасываемый адреналин заставляет моё тело неконтролируемо трястись.

— Есть два варианта развития событий. Первый, ты соглашаешься выйти замуж за ублюдка Блэквуда, и я стираю видео, забыв о них, — Деклан делает многозначительную паузу. — Второй, ты отказываешься и возвращаешься в Штаты. Но тогда эти записи получит не только Артём Князев, но и всё окружение твоей подруги. Я солью его в сеть, Лилит. И поверь, прослаблю твою подружку на весь белый свет.

— Ты не сделаешь этого, — отчаянно мотаю головой, отползая от этого монстра подальше, пока не упираюсь спиной в дверь.

— Ради семьи, в отличие от тебя, я пойду на всё, Лил. Твоя подруга будет опозорена. Я уничтожу её репутацию и жизнь. Из-за тебя.

— Пожалуйста, Деклан...

Стук собственного сердца заглушает все звуки вокруг. Я не слышу шум от дороги, разговоры охранников, стоящих на улице, или завывающий ветер.

В голове пульсирует лишь одна мысль: Ада не переживёт этого. А я не смогу жить, став причиной её страданий. У неё ведь только начало всё налаживаться...

— Выбирай. Честь подруги или брак с Блэквудом?

Собственный голос кажется сухим, безжизненным шелестом. Сегодня я впервые выбираю не себя любимую, а другого человека.

— Хорошо. Я согласна.

Глава 6

Жена. Вдова. Убийца

На что вы способны ради близкого человека? Ради его безопасности и душевного спокойствия?

Обратившись за помощью к Деклану, я в жизни не могла предположить, что брат так грязно сыграет, вытащив наружу чужое грязное бельё. Что станет шантажировать меня.

Это был выбор без выбора...

Я не смогу подставить подругу. Пошатнуть её и без того слабую психику, едва она встала на ноги. Избавилась от прошлого, что душило её много лет.

А теперь я должна стать чьей-то женой. Ронана Блэквуда, если быть точнее. Я понятия не имею, что он из себя представляет и как выглядит. Вдруг это какое-то чмо с обвисшим пузом?

Как быть с тренировками? Вряд ли мне позволят вернуться в Штаты и продолжить подготовку к чемпионату. Столько лет упорного труда...

Стоя с занесённым кулаком перед закрытой дверью отцовского кабинета, я не испытываю ничего, кроме изматываю-

щей ненависти ко всему роду О'Коннелл.

Угораздило же родиться в придурочной семейке. Спасибо, мама, удружила! Не могла, что ли, найти себе другого партнёра и родить меня от него? Нет же, надо было связаться с этой шайкой, готовой продать любого и даже собственную дочь и сестру ради благополучия клана.

Стиснув зубы, я делаю несколько гневных ударов по двери и, услышав одобрение, вхожу. Я не скрываю своего презрения по отношению к находящимся внутри, осматривая их по очереди.

Прошло меньше пары часов с момента, когда я послала отца с братом и уехала из особняка с мыслью, что не вернусь в это логово.

А сейчас вынуждена идти на поклон.

— Одумалась? — отец восседает на кожаном диване у стены, держа в руках толстую сигару.

Белый дым тонкой струйкой тянется, растворяясь в воздухе, а я представляю, как вырываю папиросу из его рук и демонстративно топчу её ногой. А лучше заталкиваю в глотку Деклану, стоящему у окна с заведёнными за спину руками.

— У меня будут условия, — вздёрнув подбородок, иду вабанк. — Вы договоритесь с Блэквудами, чтобы мне позволили достойно завершить карьеру на Национальном чемпионате.

Уж лучше я уйду из большого спорта таким образом, нежели позорно пропаду, не оставив своё имя в истории. Я

заслужила славу. Я выгрызала себе это место потом и кровью!

Отец с братом переглядываются, а я экстренно прикидываю, чем могу их шантажировать в случае отказа.

— Кто сказал, что тебе придётся бросать спорт? — отец выгибает густую бровь, выдыхая дым, после очередной глубокой затяжки. — По-твоему, я столько лет тратил деньги впустую?

— Что ты имеешь в виду? — уставляюсь на него, скрещая руки на груди. — Говори прямо. У меня нет ни времени, ни желания строить догадки и играть в ваши завуалированные игры.

— Раз ты согласилась сама помочь семье, — глава клана делает многозначительную паузу, а я сжимаю челюсть от злости, метнув гневный взгляд на Деклана, — ты вернёшься в Америку. Причём скоро. Я не такой ужасный человек, Лилит.

Конечно, нет. Ты ангел во плоти, пап.

Будь я наивной дурочкой, то стала бы благодарить родителя за такой широкий жест. Но, зная отца, обязательно последует большое и жирное «но». Что, собственно, и подтверждает подавший голос Деклан.

— Ты убьёшь Ронана Блэкуда, — без тени намёка на шутку говорит старший брат.

— Чего? — изо рта вылетает короткий нервный смешок. — Ты угораешь, да?

— Твой брат не шутит, — предельно спокойно подтверждает папа, и я шумно выдыхаю, подняв голову к потолку. За что мне это всё? — Ты убьёшь мужа в день свадьбы, как только вы останетесь наедине.

Под «наедине» он подразумевает первую брачную ночь? Какого-то хрена мозг цепляется именно за эту незначительную деталь, а не за то, что я должна буду завалить живого человека.

— Зачем мне его убивать? — словно со стороны слышу свой обречённый голос.

— Главарь Портовых, Конор Блэквуд, болен, — Деклан проходит и опускается в кресло, облокотившись на подлокотник. Потирая подбородок, брат против моей воли посвящает в их мафиозные дела, приоткрывая завесу тайны. — После его смерти власть перейдёт к старшему сыну Ронану. Ваша с ним свадьба должна быть страховкой перемирия наших кланов в дальнейшем.

— Шикарно. А убивать его зачем, если вы заключаете перемирие? — проигнорировав приглашающий жест присесть, подпираю спиной стену. — Это я тупая или вы что-то забыли упомянуть, господа?

— Никогда О'Коннеллы не будут жить мирно с ублюдками Блэквудами, — злобно цедит отец, и я с усталой брезгливостью прослеживаю, как из его рта вылетает слюна.

— Перемирия не будет, — в отличие от папы, Деклан выглядит и звучит ужасающе хладнокровно. — Никто не поду-

мает, что ты способна на убийство.

— Так я и не способна! — горячо восклицаю, но тут же ощетиливаюсь под цепким взглядом. Он так и кричит: веди себя тихо, или твоя подруга пострадает.

— Конор Блэквуд решит, что его младший сын Киллиан прикончил брата в битве за власть, — довольный собой вносит корректировки отец.

Достав из кармана пачку сигарет, Декс вытягивает одну папиросу губами и чиркает спичками, а я пытаюсь сложить пазл, но чувствую, что мне не хватает деталей.

— Но почему? С какой стати он подумает на другого сына?

— В клане Блэквудов есть негласное правило, — Деклан делает крепкую затяжку. И, пожалуй, впервые смотрит на меня не как на малявку или проблемную сестру, а как на равного союзника. — В первую брачную ночь в доме новобрачных остаётся только муж и один мужчина из его семьи. Чтобы кровь клана была свидетелем брака.

Зашибись...

Надеюсь, никто не ждёт от меня невинности? С этим пунктом они опоздали.

— И что потом? Ронан умирает, его отец думает на младшего сына Киллиана, а дальше?

— Конор не переживёт предательство сына, — лениво констатирует Деклан. — У него четвёртая стадия рака крови. Блэквуд не жилец.

— А справиться с одним из Блэквудов не составит труда, — подытоживает папа. — Тебе, как оставшейся вдове наследника, достанутся портовые зоны Блэквудов. А это значит, что мы расширим свою власть и получим стратегически важный доступ к транспортным потокам.

Кормак поднимается с дивана и проходит к столу, потушив наполовину выкуренную сигару.

В голове такой шум и гам мыслей, что я с трудом могу сфокусироваться на чём-то одном.

— Я не смогу убить человека, — по телу прокатывает волна мурашек от страшных слов, произнесённых собственным ртом.

Я не говорю, что не хочу этого делать. Или не стану.

Меня не будут слушать, а учитывая то, какую власть надо мной имеет Деклан, всё, что остаётся, это молить отца не заставлять меня становиться душегубом.

— Больше семидесяти лет назад младшую сестру моего отца, вашего деда, похитил один из Блэквудов, — папа проходит к окну, на то же самое место, где стоял Деклан. Внимательно разглядывая пейзажи, на которые открывается вид, он неспешно рассказывает: — Он обесчестил её и вышвырнул. А девушка с горя застрелилась из фамильного револьвера, не пережив позора.

— И поэтому вы решили, что я должна отомстить спустя хренову тучу лет? — хмыкаю, не удержавшись.

— Эта подлая семейка даже не принесла своих извине-

ний, — проигнорировав мой выпад, продолжает родитель. — Девушка застрелилась, потому что честь для нас не пустой звук. Или ты считаешь, что она умерла зря? — на этих словах он оборачивается, внимательно ожидая ответа.

— Почему бы вам самим не расквитаться с Блэквудами? Зачем вы вплетаете меня, женщину, в свою месть? — я не привыкла быть слабой. Умолять или просить. Но это... сама мысль о том, что я должна лишить кого-то жизни, вызывает тошноту.

— А ты сама не хочешь отмыть кровь предков? — оживает Деклан, а я борюсь с желанием не выцарапать этому фанатичному уроду глаза.

Хочу я этого или нет, какая разница, если ты шантажом заставил меня вернуться?

— Я назвал тебя в честь неё, Лилит. Носи это имя с достоинством. И отомсти за женщину нашего рода, — ставит последнюю точку в этом разговоре Кормак О'Коннелл.

Глава 7

Эту партию разыграю Я

Киллиан

Толкаю дверь плечом, без приглашения переступая порог кабинета старшего брата.

— Надеюсь, у вас были серьёзные причины поднять меня в семь утра?

— Проходи, Киллиан, — Ронан широким жестом души указывает на свободное место. — Есть разговор.

— Ты не особо торопился на встречу с семьёй, — болезненный голос отца звучит с привычным осуждением.

Конор Блэквуд разворачивает инвалидное кресло, окидывая неодобрительным взглядом неугодного младшего сына, и переводит его на настенные часы. Стрелки отбивают девятый час утра.

— Не мог расстаться с очередной шлюхой в своей постели? — добавляет с презрением.

— Будем обсуждать мои сексуальные предпочтения? —

лениво прошагав, откидываюсь на кресло.

— Существуют гораздо более важные вещи, — Ронан перехватывает внимание. — Мы заключили мирный договор с Центровыми.

Гробовую тишину, воцарившуюся после херовой новости, нарушает только моё тяжёлое дыхание. Проплывающее за окном судно направляется в порт, и я фокусирую на нём внимание, удерживая рвущееся наружу нецензурное мнение.

— Интересно, — протягиваю, вгрызаясь цепким взглядом в брата. — Решаете дела за моей спиной?

Никогда Блэквуды не ладили с этими напыщенными ублюдками О'Коннеллами. Что изменилось? И какого хера я узнаю новости постфактум?

— Ты был бы против, Киллиан, — Ронан слегка подаётся вперёд. — Здесь не место эмоциям и личной неприязни. Пора положить конец этой бессмысленной холодной войне.

Дружище, возможно, я первым зарыл топор войны, когда трахнул дочку Кормака О'Коннелла, но тебе об этом не обязательно знать. Нежные ушки Ронана не готовы к информации о том, что, пока они заключали мир с паханом, его дочурка была со мной.

— Причинами решения поделитесь или это мне тоже не обязательно знать? — задаю, по сути, резонный вопрос, хотя в башке на него уже давно имеется ответ.

В семье Блэквудов испокон веков всегда был один наследник. Альфа, которому доставалось всё. Иллюзий касательно

того, что место у руля Портовых займу я, я не питал. Быть неудобным сыном – это по моей части, в отличие от идеального образа наследника Ронана.

Похер на клан. Похер на порт и бабки, что он приносит. Грызться за власть не моя история. Но то, что в последнее время творятся странные вещи, наводит на мысль, что, возможно, не той дорожкой я пошёл?

Сначала стал замечать, что часть моих людей в клане магическим образом переманивают в дивизион Ронана. Тогда списывал это на перераспределение внутри системы. Потом в мои дела и территории стал совать нос отец, и я решил, что, как глава клана, он имеет право на контроль. Теперь узнаю, что в обход меня принимаются важные решения.

Они пытаются убрать мою фигуру с доски?

— Причины твой брат озвучил ранее. Нам нужен мир с соседями, — отец глухо закашливается, поднося ко рту тёмный платок.

— Завтра я женюсь на дочке О’Коннеллов. Для гарантии, — это подаёт голос братец.

Без понятия, как мне удаётся сохранить лицо беспристрастным, пока в долбанной груди разрастается пожар. В голове наконец складывается полноценная картина того, что я упускал, возможно, годами. Весь масштаб игры.

— Я должен поздравить? — давлю сквозь стиснутые зубы.

Назвать нас с Ронаном близкими сложно, учитывая минимальное общение. Но, в отличие от него, я никогда не рыл

яму родному брату.

Перемирие с врагами и свадьба с дочерью Кормака – это не просто гарант мира, а публичное признание Ронана единственным наследником. И любая моя попытка оспорить его решение или поднять людей на восстание будет пресечена уже двумя кланами.

— Ты не рад за брата? — отзывается отец, и на моих губах расплывается улыбка, скорее похожая на звериный оскал.

Умный ход, связать старшего сына союзом, а второго, неугодного, загнать в угол. Хорош отец. Решил перед смертью подстраховать любимчика?

— Я делаю то, что нужно клану, — подсирает папаше Ронан. — Советую и тебе, Киллиан, поступать так же.

— Уверены, что Центровые не сыграют грязно? — капля здравого смысла подсказывает держать себя в руках.

Реально сомневаюсь, что ублюдок Кормака и его скользкий сынок Деклан жаждут простого перемирия. Им явно нужно что-то гораздо большее. Почти сто лет войны и резкое, беспричинное желание прекратить её? Нужно быть редкостным дебилом, чтобы повестись.

— Что они могут сделать? Их девчонка будет ходить подо мной, — отмахивается брат, а я невольно вспоминаю рыжую бестию и её острый язык.

Ходить она под тобой, братец, не будет. Это уже дело принципа.

— Отличный план. Это всё, что вы хотели обсудить? —

хлопнув по подлокотникам, поднимаюсь с места.

— Ты должен выглядеть на свадьбе брата прилично. Надеюсь, костюм у тебя есть? — не дожидаясь ответа, отец откатывается к окну, отворачиваясь.

— Есть, — кидаю взгляд на внимательно наблюдающего за мной Ронана и широким шагомдвигаюсь в сторону выхода.

— Веди себя завтра подобающе, Киллиан. Без импульсивных выходок. Это важный для нас день, — бросает Конор уже в спину. — Иначе я буду вынужден отстранить тебя от дел.

Если эти двое думают, что завтра всё закончится и меня лишат голоса в клане, то жёстко ошибаются.

Эту партию разыграю я, дорогие родственники.

Глава 8

Киллиан, мать его, Блэквуд!

Лилит

Горячие языки пламени со всех сторон облизывают потрескивающее в камине полено. Наблюдая за изящным танцем огня, я в миллионный раз повторяю план действий.

Убить Ронана. Нанести себе порезы. Измазаться в крови. Стереть отпечатки. Сбежать. Звать на помощь.

Глубоко вдохнув, медленно выдыхаю через рот, успокаивая натянутые нервы.

Это безопасно. Папа и Деклан вытащат меня.

Всё пройдёт без запинок. Я смогу.

Я убью Блэквуда, и Деклан удалит записи изнасилования Адалин, а потом я уеду домой, в Штаты, и никогда не вернусь в этот грёбанный город. Забуду произошедшее, как страшный сон.

Осмотрев подол скромного и сдержанного свадебного платья, я всё ещё отказываюсь верить в происходящее. День

икс подкрался слишком быстро, и я впервые в жизни оказалась к чему-то не готова.

Как я смогу убить человека? Перерезать ему горло меньше чем через десять часов?

Выйти замуж и принести себя в жертву ради подруги – это одно. Но убить человека – это уже совсем другой уровень.

Адалин бы осудила меня. Сказала бы, что жизнь – это дар, и я не имею права им распоряжаться.

Скрипнувшая за спиной дверь заставляет меня вздрогнуть и спешно обернуться, отчего заплетённая увесистая коса раскачивается из стороны в сторону.

В просторную библиотеку с огромным количеством стеллажей под самый потолок входит симпатичный молодой человек в строгом чёрном костюме. Его лицо кажется мне до ужаса знакомым, но я не могу понять почему. Мы определённо не могли пересекаться раньше – дело в другом.

Он кого-то напоминает.

— Ронан Блэквуд, — брюнет проходит ближе, останавливаясь на расстоянии вытянутой руки, под моим оценивающим взглядом.

Вот ты, значит, какой, Ронан. Далекое чмо с обвисшим пузом.

— Лилит О’Коннелл, — киваю, подумав о том, как поидиотски это выглядит со стороны.

— Рад наконец познакомиться с будущей супругой, — вежливо произносит парень, а у меня в груди ёкает от мыс-

ли, что я должна его убить. — Прекрасно выглядишь. Знал, что платье идеально тебе подойдёт.

Его спокойный голос звучит таким живым, что у меня перехватывает дыхание. Извращённая фантазия рисует картину, как этот человек будет лежать в луже собственной крови, и меня слегка подташнивает.

— Взаимно, Ронан, — натягиваю на лицо вымученную улыбку. — Спасибо, у тебя прекрасный вкус.

Прекрасный, а как же. Отец сразу сообщил, что платье невесты по традиции предоставляет сторона жениха. Признаться честно, в тот момент мне было наплевать, в чём устраивать фальшивую свадьбу, которая закончится трагедией одной семьи.

А в эту минуту я чувствую себя строгой училкой в скромном наряде, закрывающем абсолютно все части тела. Единственное, что выдаёт в нём свадебное платье, — белый цвет и длинный плотный шлейф.

Ни одной бисеринки, ни одного кружева или узора. Мрак. — Я хотел бы заранее обсудить с тобой пару вещей до того, как мы выйдем к гостям, — Ронан кажется искренним, и я не могу представить, чтобы этот вежливый парень принял на себя управление кланом Портовых.

Может, это маска? Будь он ужасным монстром, мне было бы легче свыкнуться с мыслью, что я грохнула плохого Блэквуда.

— Конечно, я только за, — кивнув, создаю иллюзию, что

мне интересно. Наш брак не продлится и суток, мы можем ничего не обсуждать.

Разглядывая аккуратно уложенные иссиня-чёрные волосы и правильные черты лица, я думаю, что Ронан смело мог бы стать моделью. Этому парню не место в мире мафии. По крайней мере, не с такой внешностью.

— Я понимаю, что мы оба взрослые люди. И всё же решил обозначить, что без твоего согласия я не прикоснусь к тебе сегодня и пальцем, — жених убирает руку в карман брюк, а я, шумно выдохнув, сдерживаюсь не закричать. Попросить его заткнуться и не казаться таким хорошим. — И я очень надеюсь, что ты не ненавидишь меня.

— Почему я должна тебя ненавидеть? — казалось бы, ответ лежит на поверхности, но мне интересно услышать это от него.

— Вдруг ты любишь другого? — Ронан произносит это с лёгким смешком, но я уверена, что для него это многое значит.

Не знаю почему, но в памяти всплывает знакомство с тем парнем из паба и проведённая с ним ночь. Пожалуй, он единственный, кого я буду время от времени вспоминать, улетев в Нью-Йорк. И если бы наш брак оказался настоящим актом примирения семей, то, исполняя супружеский долг с нелюбимым мужем, я бы наверняка фантазировала о том татуированном урагане.

— Нет. У меня никого нет, — решаю не устраивать эмо-

циональные качели будущему мужу. — Надеюсь, и ты тоже не станешь скрывать на стороне любовницу.

Дура. И зачем я это сказала? Уже завтра Ронан Блэквуд будет мёртв, а я официально стану чудом выжившей вдовой.

Ладно, пусть думает, что меня волнует наша совместная жизнь. Так точно возникнет меньше подозрений о том, что наша семейка задумала дрянной план.

— Насчёт этого можешь не волноваться, — уверенно обещает Ронан, а я мысленно закатываю глаза с такой силой, что вижу собственный мозг.

Все вы изменщики. А те, кто яро это отрицают, — изменщики вдвойне.

— Есть ещё какие-то темы? — переминаясь с ноги на ногу, я мечтаю присесть из-за неудобных кед, скрывающихся под подолом. Слишком сильно затянутые шнурки сдавливают кожу, отчего ступни сводит.

— Слышал, что ты фигуристка, — на лице жениха мелькает подобие гордости. — Я не против, если ты продолжишь заниматься. Но в Дублине. И, естественно, пока у нас не появятся дети.

— Я учту это, — поджав губы, прикидываю, что вряд ли в Дублине я смогла бы кататься на том же уровне. Но и это с его стороны кажется милым.

А вот новость о том, что он не планирует провести традиционную брачную ночь, удручает. Как бы сильно меня ни воротило от этого, план состоял в том, что я бы переспала

с мужем, а когда он крепко заснул, полоснула по шее. В рукопашную с мужчиной я не справлюсь, а вот со спящим это сделать проще.

Понимаю, что всё это звучит дико и ужасно, но у меня нет выхода. На кону стоит жизнь подруги и абсолютно незнакомого мне мужчины.

Выбор очевиден.

— Если ты готова, то можем выйти к гостям, — Ронан галантно подставляет локоть, указывая на дверь.

Библиотеку мы покидаем под мой нервно дёргающийся глаз. Миновав один пролёт лестницы, перемещаемся на последний, ведущий в большой парадный зал особняка. Ступенька за ступенькой мы приближаемся к кучкующимся немногочисленным гостям, прибывшим чествовать перемирие двух крупных кланов.

С нашим появлением разговоры становятся более приглушёнными, а внимание приковывается к будущим мужу и жене.

Ронан поворачивает ко мне голову, ободряюще кивнув. Будущий муж, небось, списывает мой тремор на волнение перед толпой или грядущее бракосочетание.

Знал бы ты, милый, какое я исчадие ада. Плевать я хотела на всех этих людишек. Я трясусь от мысли, что должна прирезать тебя.

Оглядев присутствующих без особого интереса и энтузиазма, подмечаю, что практически ни с кем из них не знако-

ма. Однако все эти пижоны не простые смертные. В одном я узнаю мэра Дублина. Сделать это несложно, так как его лицо развешано на доброй части билбордов города.

В другом замечаю главу тех самых Северных – это благодаря стоящей рядом с ним супруге. Она пытается строить из себя блогера и пару раз выпадала мне в рекомендациях.

На противоположной стороне зала я замечаю бизнес-партнёра отца. Не так давно имела честь участвовать в приёме, который устраивали в особняке по случаю заключения крупных сделок.

Полагаю, что на свадьбу приглашены только высокопоставленные личности и главы весомых кланов страны. Жаль, что я лицезрею их в последний раз, ибо планирую больше никогда не возвращаться в Дублин. Выполню условия Деклана, и на этом не хочу знать весь род своих ненормальных предков.

— Отец, — Ронан подводит нас к семьям Блэквудов и О’Коннеллов, стоящим относительно рядом. — Мистер О’Коннелл.

Напряжение, витающее в воздухе, видно невооружённым взглядом. Я молча скользя взглядом по довольному лицу папы и невозмутимому Деклану.

По идее, я должна поздороваться с отцом будущего мужа, но язык упорно отказывается шевелиться. Секунд десять я тупо пялюсь на сидящего в инвалидном кресле мужчину. Нетрудно догадаться, что это и есть тот самый Конор. Его

сухая, морщинистая кожа выглядит безжизненной, но с такой болезнью оно и немудрено.

— Добрый день, — давлю из себя через силу. Уголки губ слегка ползут вверх, но тут же опадают от мысли, что я принесу Блэквудам смерть.

— Замечательно смотрите вместе, — от хриплого старческого голоса Конора кончики моих пальцев волнительно покалывают. — Я безмерно рад, что двое прекрасных представителей наших семей положат начало миру.

Боковым зрением замечаю, что собравшиеся гости прислушиваются к сказанному и, как в цирке, наблюдают за развернувшимся представлением. Гады.

— Надеюсь, Блэквуды не заставят пожалеть о том, что я отдал им свой бриллиант, — тут же отзывается отец. Фраза звучит якобы шутливо, но меня тянет вырвать.

Даже в такой момент он сводит тему к деньгам. Я не дочь, а дорогой аксессуар, который он торжественно передает в чужие руки для достижения желаемой цели. У-у-у, прибила бы!

— Мы сделаем всё, чтобы Лилит чувствовала себя частью семьи, мистер О'Коннелл, — спокойно отвечает Ронан.

Ладони леденеют от мысли, что я могла бы попросить у жениха помощи. Найти выход из сложившейся ситуации?

Но эта идея летит в бездну при воспоминании об отцовских словах, сказанных накануне: «И не смей предать семью, Лилит. Потому что предателей мы не оставляем в живых».

Если я не убью Ронана, они прикончат меня. Мой собственный брат и отец.

Конор Блэквуд поднимает дрожащую руку, и официант тут же подносит ему бокал с шампанским. Остальные гости тоже разбирают фужеры. Звон хрустала в этой унылой обстановке, напоминающей не свадьбу, а сделку, кажется неуместным.

— За союз! — до жути пафосно провозглашает старик Блэквуд, и его глаза, подёрнутые дымкой болезни, на мгновение вспыхивают блеском. — За конец вражды и начало процветания.

«За смерть», — мысленно поправляю его я, глядя на пузырьки в своём бокале. Перемирие продержится ровно до той минуты, пока нож в моих руках не найдёт яремную вену его сына.

Кормак и Деклан О'Коннеллы придумали гениальный план, как с моей помощью развалить семью Блэквудов: убрать главного наследника, повесить убийство на его брата и тем самым уничтожить их отца. Это запустит цепь позора и распада их клана.

Так мой отец и брат получают власть Портовых без открытой войны.

Это идеальный мафиозный расчёт. И я не просто убийца, я их инструмент.

— Тебе нужно что-нибудь? Ты бледная, — шепчет Ронан мне на ухо, склонившись так близко, что я чувствую аромат

его немного приторного парфюма.

— Голова кружится, — вру, не глядя на него. — Слишком много внимания.

— Официальная часть будет короткой. Подпишем бумаги, обменяемся кольцами, и можно выдохнуть.

Ага, ты-то, может, и выдохнешь. А вот я...

— Киллиан приедет с минуты на минуту. Он не любит официальные мероприятия, — доносится голос отца Ронана, обращённый к моему.

Киллиан. Тот, на кого несправедливо повесят убийство его брата.

Когда объявляют, что регистратор брака прибыл, мы перемещаемся в соседний зал, обустроенный для церемонии. Гости расступаются, создавая живой коридор, а я еле волочу ногами, словно меня ведут на казнь, к гильотине.

Тянущийся шлейф платья ощущается как погребальный саван. Лучше бы они прикончили меня, чем заставляли проживать этот день.

Гости рассаживаются по местам, а мы с будущим покойником, ой, то есть женихом, поднимаемся на импровизированный алтарь.

К чему этот пафос? Зачем было устраивать всё настолько реалистично?

Регистратор, седой мужчина с непроницаемым лицом, видевшим слишком много подобных сделок под видом свадьбы, открывает тяжёлую папку.

— Ронан Александр Блэквуд, — монотонно произносит он без долгих разглагольствований, — согласны ли вы взять в жёны Лилит О'Коннелл?

— Да, — отвечает Ронан без тени сомнения.

Регистратор переводит взгляд на меня. Его глаза за линзами очков кажутся огромными, и я не вовремя задумываюсь о том, какое у него зрение: видит он плохо издали или наоборот?

— Лилит О'Коннелл, согласны ли вы взять в мужа Ронана Александра Блэквуда?

Воздух в лёгких заканчивается. Я открываю рот, собираюсь с силами произнести это проклятое «да», которое подпишет Ронану смертный приговор, а мне пропуск в персональный ад.

Губы непривычно дрожат, я в прямом смысле этого слова ощущаю вкус лжи на языке... Но вместо моего ответа зал сотрясает оглушительный грохот. Огромные витражные окна разлетаются на миллионы сверкающих осколков на моих глазах.

Едва ли я успеваю прикрыть лицо, как следом за звоном стекла раздаётся сухой, резкий треск автоматной очереди.

— Ложись! — рявкает Ронан, на инстинктах обхватывая меня за талию и буквально сбивает с ног, закрывая своим телом.

В зале начинается настоящий хаос.

Прикрываясь руками, я испытываю неуместное облегче-

ние. Мы все тут можем умереть в любую секунду, но я так рада, что свадьба сорвалась! Я не успела ответить «да», а значит, Ронан будет жить. Возможно, будет жить...

— Всем оставаться на своих местах, — голос, усиленный акустикой зала, звучит как раскат грома, и я вздрагиваю, но не от страха, а от едва уловимого узнавания.

Приподняв голову, я выглядываю из-под плеча Ронана, и сердце замирает, пропуская удар. А затем ещё один.

В дверях, выбитых с петель, стоит группа людей в тактическом снаряжении, но моё внимание приковано к тому, кто идёт впереди.

Он не прячет лицо под маской, в отличие от остальных. На парне чёрная кожаная куртка, накинутая поверх тёмной футболки, и тяжёлые армейские ботинки. Он движется по залу с той же кошачьей, пугающей грацией, запомнившейся мне в ту ночь. Его татуированная рука уверенно сжимает рукоять пистолета, а взгляд...

Этот взгляд я не спутаю ни с чьим другим.

Те самые глаза разного цвета, которые я видела так близко, когда он зажимал крестик в зубах и вбивался в меня до иступления.

А в это время холёные бандиты и мафиози едва ли успевают выхватить оружие из-под пиджаков, оказавшись под прицелом ворвавшейся группировки.

— Что за... — выдыхаю, вжимаясь в пол. В груди колотит так, что, кажется, сейчас проломит рёбра.

Миллиард мыслей вихрем кружит в голове. Что он здесь делает? Кто он такой, что посмел заявиться и прервать церемонию?

И самое главное... одна маленькая и тоненькая нить странной надежды сигналист: это он ради меня устроил?

Однако татуированный игнорирует моё присутствие, подбираясь вплотную. Одним молниеносным движением он оказывается рядом и приставляет дуло пистолета к подбородку Ронана, заставляя того медленно подняться.

Лёжа в пыли и осколках от взрыва, я плююсь на его ботинки, ощущая себя жалкой и беспомощной букашкой, потому что от меня ни хренашеньки не зависит.

Странное чувство. Совершенно не похожее на то, что я привыкла испытывать, зная о собственном превосходстве над другими.

Вселенная будто нарочно опустила меня в грязь и смешала с дерьмом, сбивая спесь.

— Киллиан? — доносится хриплый, надломленный голос старого Конора из инвалидного кресла. — Что ты творишь, чёрт тебя дери?!

Волна шока окончательно выбивает меня из колеи. Переводя опешивший взгляд с татуированного на застывшего Ронана, я искренне отказываюсь в это верить.

Киллиан?

— Киллиан, убери пушку, — спокойно произносит Ронан, но его голос звучит весьма неуверенно.

Охренеть.

Нет, не так.

О-ХРЕ-НЕТЬ!

Парень, с которым я провела самую грязную и страстную ночь в своей жизни, – Киллиан, мать его, Блэквуд!

Я переспала с братом будущего мужа.

Младшим сыном семьи, которую я должна уничтожить!

Я добровольно клеилась к сыну заклятых врагов нашей семьи!

Киллиан тем временем скалится, не убирая пистолет от лица брата. Он медленно переводит свой жгучий взор на меня, и в этом взгляде я читаю всё: и узнавание, и лёгкую насмешку, и странный собственнический инстинкт, от которого по коже бегут мурашки.

Я не могу вымолвить ни слова, что совершенно мне не свойственно. Тупо смотрю на него, замерев.

Доносящийся шёпот гостей вырывает из транса, и я перевожу медленный взгляд в их сторону как раз в тот момент, когда Деклан подаёт голос.

— Лилит, иди ко мне, — старший брат выглядит так, будто его действительно заботит моя безопасность. — Вставай, не бойся, — он делает несколько уверенных шагов, протянув ладонь, несмотря на предупреждения Киллиана о том, чтобы никто не рыпался.

Не прерывая зрительного контакта с братом, я спешно приподнимаюсь на ладони, но останавливаюсь из-за появив-

шихся перед Декланом солдат, угрожающих ему оружием.

— Не советую, — звучит совсем близко, и я сглатываю от сквозящей угрозы психопата.

Отец багровеет от ярости, но ведёт себя разумно и достойно, не устраивая тут балаган. Кормак О'Коннелл стратег, и я уверена, что в голове у него уже зреет план по отмщению.

Весь пафосный договор о перемирии катится к чертям на глазах у всей элиты Дублина, но никто не может ничего предпринять, оказавшись под прицелом у огромного количества ворвавшихся солдат.

— Девушка уходит со мной, — с дикой улыбкой на губах цедит Киллиан и хватает меня за предплечье, рывком поднимая с колен. — Свадьба отменяется.

Глава 9

Теперь ты принадлежишь мне

— Не прикасайся ко мне! — вырвав свою руку из цепкого мужского захвата, я делаю попытку отойти от татуированного на безопасное расстояние, но понимаю, что бежать особо некуда.

Мы со всех сторон окружены вооружёнными людьми ворвавшегося Киллиана Блэквуда.

В груди поднимается такая злость на него и на всех собравшихся. Этот придурок в ту ночь явно знал, кто я такая! Киллиан не выглядит удивлённым и ошарашенным, в отличие от меня.

— Киллиан, отпусти её, — рычит Ронан, скрученный людьми его младшего брата. — Зачем тебе моя невеста?

Повернувшись к застывшим лицам присутствующих гостей, я ищу среди них именно Деклана. Мне так отчаянно хочется, чтобы брат помог, сделал хоть что-то. Показал, что я не просто расходный материал для семьи. Что я его младшая любимая сестрёнка.

Что он не позволит этому самодуру Блэквуду забрать ме-

ня!

Но он больше не делает попыток.

Только хищно наблюдает за происходящим, держа руку на кобуре.

Кто-то что-то говорит. Я слышу голоса, уговоры и попытки достучаться до Киллиана, но все они звучат фоном.

Собственный крик неконтролируемо вылетает из горла от невыносимой боли, пронзающей голову. Ноги перестают слушаться, когда Блэквуд-младший на глазах у всех присутствующих хватает мою косу и рывком дёргает назад.

Заставляя отшагивать за ним, брат жениха приставляет пистолет к моему виску, но я даже не вздрагиваю.

— Не советую рыпаться, — звучит голос над ухом, обращённый к гостям и нашим семьям. — Или я прострелю ей башку.

— Ты пожалеешь об этом, — сквозь стиснутые зубы угрожаю я, не удержавшись. — Зря. Очень зря.

Холодный металл сильнее впивается в кожу, обжигая.

Какая ирония. Он хочет меня прикончить? Пусть. Ведь если сегодня я не убью его брата, то неугодную Лилит О'Коннелл сотрёт в порошок собственная семья

— Киллиан, опомнись, — предпринимает жалкую попытку глава Блэквудов.

Этот психопат всё сильнее отдаляет нас от присутствующих, и уже у самого выхода из зала доносится хладнокровный голос отца:

— Верни девчонку на место, и я сделаю вид, что забыл об этом недоразумении, — Кормак О’Коннелл делает шаг, но вовремя останавливается, словно опомнившись, что его держат на мушке. — Ты понимаешь, что нарушаешь перемирие, щенок?

Эти слова настигают нас уже в холле.

Развернув меня, Киллиан хватает за предплечье, в прямом смысле этого слова волоча к выходу

— Никого не выпускать, пока не дам сигнал, — на ходу даёт указания татуированный одному из своих людей. — Дорога чистая?

— Да, сэр, — чеканит парень в чёрной маске на лице. — Поддержка с воздуха готова.

— Вы тут все больные, что ли? — нервный смешок слетает с губ. Какая ещё, нахрен, поддержка с воздуха? — Слушай, я, конечно, догадывалась, что та ночь была для тебя незабываемой, но устраивать этот цирк с похищением – перебор, — мой тон пропитан нескрываемым ядом.

Блэквуд вытаскивает меня наружу, игнорируя любое сопротивление. Под ослепляющие лучи солнца, что совершенно не свойственно этой местности, в немом шоке я осматриваю лежащие по всей территории усадьбы тела в лужах крови.

Твою мать... Желчь подкатывает к горлу, и я зажмуриваюсь, но не перестаю упираться ногами, отказываясь подчиняться.

— Не ждала принца на белом коне, не ведьма? — впервые за сегодняшний день я слышу в его голосе ту же весёлую интонацию, что и в ночь знакомства.

— Ты же не ради меня затеял это маски-шоу, — нужно быть наивной дуручкой, чтобы не догадаться об этом.

Ответа я не получаю, что неудивительно. Киллиан подтаскивает меня к стоящему внедорожнику и, как мешок, швыряет в салон. Пока он спешно переговаривается на улице, я подбираюсь к противоположной двери.

— Двигаемся по маршруту без остановок, — даёт указания психопат. — Следите за девкой. Она ушлая. Не ведитесь на уловки.

Это я-то ушлая? Да я прелесть, я ангел. Меня все так и называют, ангел Лилит!

Дёргая ручку двери, я пытаюсь вылезти наружу, но появившаяся рожа амбала за окном лишает шанса на побег. Тогда я пробую перелезть на водительское сиденье. Ключи в замке зажигания, значит, есть вариант угнать машину. Но план летит в бездну: дверь распахивается, и за руль садится один из убийц в маске, а я со стоном разочарования падаю обратно на задний диван.

Двое громил в полной тактической экипировке запрыгивают в салон следом, зажимая меня между своими массивными телами так плотно, что я едва могу вздохнуть.

— Эй, полегче, шкафы! — огрызаюсь, расправляя плечи, но локти натываются на жёсткие бронжилеты. — Вы мне

платье помнёте, оно стоит больше, чем ваши почки на чёрном рынке.

Плевать я хотела на платье. Оно и без того испорчено.

Через тонированное стекло я вижу, как Киллиан, даже не взглянув в нашу сторону, запрыгивает в другой джип, и они выезжают первыми.

— Трогай, — командует голос Блэквуда-младшего из рации.

Машина срывается с места, гравий летит из-под колёс, выбивая дробь по днищу, а я в последний раз смотрю на поместье О'Коннеллов через заднее стекло.

Чистая работа, папочка, — горько подмечаю, откидываясь на спинку сиденья. — Обменял дочь на перемирие, которое этот психопат Блэквуд размазал по асфальту вместе с твоей охраной.

Что мне делать? Как сбежать от этих ненормальных?

Можно заговорить их до смерти. Доконать так, чтобы добровольно вышвырнули из автомобиля, лишь бы я заткнулась.

— И куда мы едем? — медленно, представляя себя маньяком, перевожу взгляд на солдата справа. — У вас там организован специальный кружок по интересам для тех, кто любит похищать невест?

— Молчи, кукла, — басит тот, не поворачивая головы. — Твой голос утомляет.

— О, поверь, это я ещё только разогреваюсь, — криво усмехаюсь, хотя внутри всё дрожит от запоздалого осозна-

ния масштаба катастрофы.

Свадьба сорвана. Ронан жив. О'Коннеллы не добились желаемой цели, а это значит, я застряла в Ирландии непонятно на какой срок.

Следующие полчаса, а может, и дольше превращаются для моих конвоиров в изошрённую пытку. Если Киллиан думает, что я буду послушной заложницей, то он явно забыл, чья кровь течёт в моих жилах.

В нервных ситуациях, неподвластных моему чуткому контролю, я превращаюсь в самую настоящую занозу в заднице. А если учитывать, что терять мне нечего, то...

— Слушай, Третий Слева, — пихаю локтем амбала, приказавшего мне немного ранее завалиться. — У тебя маска из полиэстера? Кожа же не дышит. Прыщи повыскакивают, девчонки любить не будут. А тебе, — поворачиваюсь к тому, что справа, — советую сменить дезодорант. Пахнет так, будто ты пытался замаскировать запах пота освежителем для туалета.

— Заткнись, — хрипит правый, сжимая автомат так, что трещат перчатки.

— Зайка, я уже стала забывать твой голос, — я картинно всплёскиваю руками, едва не заезжая ему по носу. — А петь умеешь? Давайте хором. «Маленькой ёлочке холодно зимой...»

Я начинаю громко и фальшиво напевать, притопывая кедами по обивке внедорожника.

— Этой песне меня научила русская подруга, — заявляю воодушевлённо, заглядывая каждому в глаза. — А хотите, поделюсь с вами парочкой русских матерных слов? Мне не жалко, а вам полезно!

Пока снаружи я кажусь ненормальной сукой, тело бьёт крупная дрожь.

Киллиан забрал меня, и теперь я не смогу выполнить приказ отца и убить Ронана.

Вдруг пострадает Адалин? Что, если Деклан решит, что я недостаточно постаралась, и сольёт видео изнасилования в сеть?

Нужно бежать или договориться с Киллианом. Какой ему от меня толк?

Когда конвоирам окончательно надоедает галдёж и один из них угрожает заклеить мой рот скотчем, я резко меняю тактику.

— Только попробуй. Твой босс вытащил меня из-под венца не для того, чтобы ты испортил моё личико, — шиплю, мгновенно теряя всё веселье. — Хоть пальцем прикоснёшься, я лично прикажу Киллиану переломать твои щупальца. Поверь, золотце, я умею быть убедительной.

Моё безумие явно сбивает с толку конвоиров, судя по тому, как они переглядываются между собой. На их счастье колонна замедляется. Мы уже давно выехали за пределы города, и вокруг тянется серая лента шоссе, между густыми стенами леса.

Машины останавливаются на обочине, поднимая облако пыли. Дверь со стороны амбала слева открывается, и меня выдёргивают наружу. Прохладный воздух после душного салона ударяет в лёгкие, принося временное облегчение.

— Ты всегда ни на секунду не затыкаешься? — губы Киллиана трогает ленивая, опасная усмешка. — Устал слушать твою трель через рацию.

Брат жениха двигается в нашу сторону, перехватывая ненормальную пленницу из рук одного из своих пешек.

— Решил пристрелить меня здесь, чтобы не тратить бензин на дальнейший путь?

— Слишком просто для тебя, не ведьма, — психопат безжалостно тащит нас к стоящему перед двумя внедорожниками матово-чёрному «Мерседесу»

— Вау, это подарок в честь свадьбы? — не удержавшись, раздражаюсь наигранным смехом. — Ну что ты, не стоило!

Я знаю, что сопротивляться бесполезно. И бежать мне некуда, всё равно догонят и схватят. Но я не буду Лилит, если не попытаюсь этого сделать.

Собрав всю силу, я дёргаю свою руку и вырываюсь. И, похоже, сладенький Киллиан опешил от сопротивления, ибо первые секунды он стоит, не шелохнувшись. Это я понимаю по тому, что не слышу за своей спиной звука шагов.

— Никому не двигаться, — произносит психопат своим шестёркам.

Вы посмотрите на этого босса!

Подол платья путается в ногах, и я спешно его поднимаю, убегая по длинной дороге вперёд. Это глупо, и у меня нет ни малейшего шанса на успех, но попытка не пытка.

Массивные ели по обеим сторонам дороги мелькают перед глазами, но я не заостряю на них внимание, боясь отвлечься. Ветер хлещет в лицо, заставляя кожу гореть, и маленькая толика надежды, что мне удастся сбежать, зарождается внутри.

Но быстро гаснет...

— Нет! — вылетает изо рта, когда я чувствую хват на своей многотрадальной косе.

Рывок, и меня дёргают назад под истошные крики, впечатывая в твёрдый пресс.

— Не могу понять: ты слишком самоуверенная или ненормальная? — грубый голос Киллиана над ухом пускает заряд тока по венам.

— Больно! — подняв руки, я пробую отцепить его от себя, но не выходит.

Мужская ладонь ложится на мой дрожащий живот, сильнее вжимая в своё тело.

— Поверь, Лилит, больно я тебе ещё не делал.

В следующий миг Киллиан разворачивает меня. Наши взгляды сталкиваются, и я не могу поверить, что тот самый парень, которому я отдалась без раздумий, оказался ненормальным.

— Проклинаю тебя и весь твой род, придурок! — выплё-

ываю с презрением, и тогда он обхватывает мою шею, крепко сжимая.

— Ещё раз попытаешься сбежать – прострелю колени, — нарочито спокойно угрожает брат жениха.

— Лучше пусти мне пулю в висок, и закончим на этом.

Я не собираюсь пресмыкаться перед ним. Или молить о пощаде и просить отпустить. Это будет бесполезно и унижительно.

— Зачем так радикально? — мужские глаза разного цвета загораются недобрым огнём. — На тебя у меня большие планы, не ведьма.

С этими словами Блэквуд впивается грязными лапами в моё запястье и волоком тащит к спорткару.

Гад буквально заталкивает меня внутрь и захлопывает дверь. Через секунду татуированный уже сидит в кресле водителя. Салон окутывает нас интимным полумраком, подсвеченным приборной панелью. Киллиан даёт по газам, и меня вжимает в спинку кресла от скорости.

— И что дальше? — я поворачиваюсь к нему, игнорируя спидометр и сменяющиеся на нём с пугающей скоростью цифры. — Ты хоть осознаёшь, что теперь между нашими семьями не просто трещина, а чёртова пропасть? Мой отец не простит такого унижения. Ты нарушил перемирие.

— Твой отец – старый стервятник, который и не собирался заключать долбаное перемирие, — Киллиан даже не смотрит на меня, его руки уверенно лежат на руле.

Нервно сглотнув, я осмысливаю: произносит он это со стопроцентной уверенностью или лишь догадывается? Чёрт-чёрт-чёрт.

— Тебя не смущает, что я в свадебном платье? Ты украл невесту своего брата! Это, по-твоему, не перемирие?!

— Думаешь, я в это поверю? — звучит всё в том же ровном тоне.

— Ты параноик? Это не вопрос, можешь не отвечать, психопат! — мой крик заполняет пространство салона. — Тебе хана, Блэквуд. Моя семья не оставит это.

— А что сделает твоя семья и мой братец, когда им сообщат, что ты трахалась со мной? — говнюк поворачивает лицо без малейшей тени улыбки.

— Я не знала, кто ты такой! И я была не в курсе, что должна буду выйти замуж за Блэквуда! Что я вообще должна буду выйти за кого-то замуж!

— Не строй из себя невинную жертву, Лилит. Мы оба знаем, что ты нарочно пришла на мою территорию, в мой паб, — мне мерещится, что Блэквуд, сказав это, выжидает моей реакции. Хочет убедиться в своих догадках или, наоборот, опровергнуть их.

Его паб... Вот это я влипла по самое не хочу.

Волна шока накрывает меня с головой, ошпаривая сильнее, чем кипяток. Он же не сделает этого? Не расскажет никому про ту ночь? Деклан озверевает и назло мне сольёт видео с Адалин!

— Я пришла повеселиться с подругой, и мне было наплевать, чья это *территория*! Я увидела рекламу стриптиза и захотела посмотреть, — жар приливает к щекам.

«Делай что угодно, но заставь его молчать, Лилит!» — верещит внутренняя истеричка.

— Ты мне понравился в тот вечер, придурок! — делаю жалкую попытку, но, не найдя на мужском лице ни капли снисхождения, добавляю: — Но сейчас я вижу, что ты просто идиот с комплексом бога. И если бы я знала, кто ты такой на самом деле, то не взглянула бы в твою сторону, ясно?!

— Сделаю вид, что поверил.

— Если ты мне не веришь, верни обратно. Я обещана твоему брату. А то, что творишь ты, — это беспредел! — сглотив, мне самой хочется закатить глаза от этой чуши.

Обещана брату. Слова-то какие. Можно подумать, я мечтаю выйти за Ронана. Нет, мне нужно его прикончить и свалить домой, в Штаты. А этот ненормальный смешал все карты.

— Какие ты цели преследуешь? Чего хочешь? Денег? Мой отец заплатит!

Автомобиль внезапно сбрасывает скорость и резко тормозит, останавливаясь посреди пустой трассы. Киллиан отстёгивает ремень и нависает надо мной, сокращая дистанцию до минимума.

— Теперь ты принадлежишь мне. Не О'Коннеллам, не моему брату, а мне. Ты даже дышать будешь только тогда, когда

я разрешу. Поняла?

Горячее дыхание обжигает губы. В этот момент я ненавижу его так сильно, что это пугает, но сердце почему-то предательски пропускает удар.

— Пошёл ты в задницу, Блэквуд, — шепчу я ему прямо в губы.

— С удовольствием. Но чуть позже.

Глава 10

Немного женаты

— А сейчас мне можно дышать? — токсичный вопрос вылетает изо рта очень не вовремя.

Споткнувшись о подол, я теряю равновесие и едва ли не целую лбом землю, но проклятый Киллиан удерживает меня, схватив за ворот платья.

А я всего-то хотела подколоть его за ту пафосно брошенную фразу.

— Это тебе карма за дрянной язык, — спокойно констатирует спутник, с одним поднятым уголком губ.

Грубо подтолкнув, он вынуждает продолжать путь. Мы топаем где-то к северу от Дублина. Вокруг ни души. Только бесконечные поля, зажатые между низкими каменными изгородями, и ледяной ветер, который колышет моё изрядно потрёпанное свадебное платье.

Противный крик воронов добавляет мрачности и ощущение безысходности плачевного положения заложницы Литлит.

Если бы у меня был с собой телефон, я бы сфотографиро-

вала природу вокруг и подписала её: ирландская депрессия.

Ей-богу, это место похоже на давненько вымершее: редкие покосившиеся домики с заколоченными окнами выглядят как декорации к фильму ужасов. Поёжившись, я вздрагиваю от мысли, что сейчас оттуда повыбегают белые ходоки и прикончат нас обоих. Хотя у этого придурка есть пистолет, себя-то он точно спасёт.

— Здесь даже маньякам будет скучно закалывать жертву, — пытаюсь звучать непринуждённо, но зубы мелко чеканят дробь от дурного предчувствия. — Ты собрался держать меня в этом унылом захолустье? Мра-а-ак! С фантазией у тебя проблемы, Блэквуд.

Киллиан не отвечает. Его тяжёлые ботинки уверенно втаптывают грязь, вперемешку с гравием. Из-за отсутствия нормальной дороги психопат оставил тачку на соседней улице и заставляет идти пешком.

Впереди, на небольшом холме, обдуваемом всеми ветрами, вырастает силуэт старой деревенской церкви. Грубая кладка из серого камня, узкие окна-бойницы и покосившийся крест на крыше. Она выглядит как древний склеп графа Дракулы.

Когда я понимаю, что брат жениха ведёт меня именно к этим тяжёлым дубовым дверям, внутри всё обрывается. Одежда на мне внезапно кажется, будто весит тонну, и ноги отказываются идти дальше.

Что он собрался делать в церкви? Принести меня в жерт-

ву... или?

Не может быть! Киллиан же не настолько обезумел? Он собирается жениться на украденной невесте родного брата?!

— Нет... — я упрямо останавливаюсь, упираясь пятками в рыхлую почву. — Исповедь в моём сегодняшнем списке дел отсутствует!

— Двигай, Лилит. Не заставляй применять силу, — бросает Блэквуд через плечо, не замедляя ход.

— Пошёл ты! — вырываю руку и, подхватив тяжёлую, грязную юбку с примесью кусков земли, бросаюсь в противоположную сторону.

Я гораздо легче этого громилы, и мне хочется верить, что это преимущество. Значит, смогу быстрее спуститься вниз по холму. Вдруг повезёт, и кто-то из оставшихся местных приютит несчастную девицу и позволит связаться с братом или папой?

Сердце бьётся в горле. Задыхаюсь, но бегу что есть мочи, однако силы стремительно меня покидают. Я не ела практически сутки: вчера кусок не лез в горло от мысли, что придётся прикончить Ронана Блэквуда. А сегодня как-то не представилось возможности, между похищением и второй попыткой побега.

К своему ужасу, я слышу его тяжёлые шаги позади. Киллиан не бежит, он идёт следом, как хищник за раненой добычей, зная, что она никуда не денется.

Тяжёлая рука смыкается на хрупком плече, и я вскрики-

ваю. Дёргаюсь, вырываясь, но скользкая трава под ногами уходит в сторону, и я с криком падаю на спину, больно ударяясь лопатками о камни. Воздух вышибает из лёгких вместе с болезненным стоном.

Не успеваю я прийти в себя, как Киллиан уже нависает сверху.

— Закончила забег? — рычит он, тяжело дыша прямо в лицо. — Или мне всё-таки стоит прострелить тебе колено, чтобы ты наконец стала послушной?

— А может, ты лучше себе пустишь пулю в висок, приду-рок? — хриплю, не прерывая зрительного контакта. — Мир станет чище.

Пожалуй, стоило бы заткнуться и не усугублять положение, но я знаю, что он не убьёт меня. Возможно, покалечит, но не более того.

Я нужна ему живой. До поры до времени...

— Вставай, — Киллиан рывком дёргает меня наверх, поднимая на ноги.

Пошатываясь, я пытаюсь удержать равновесие, но голова кружится, и для этого требуется несколько секунд. Тело дрожит, но я всё равно нахожу в себе силы злобно сверкнуть глазами.

Блэквуд не церемонится: перехватывает мою руку выше локтя и волоком ведёт к тяжёлым дверям церкви. Холод внутри ещё более пронизывающий, чем на улице: он забирается под кожу, вытесняя остатки адреналина. У алтаря, освеще-

щённого парой огарков свечей, стоит маленький сторбленный старик в потёртой рясе. Его руки, сжимающие пожелтевший молитвенник, мелко подрагивают.

Подобравшись ближе, я замечаю в его застывших глазах такой первобытный страх, что мне на секунду становится жаль старика. Он точно нас ждал. Видимо, люди Киллиана навестили бедолагу гораздо раньше.

— Начинайте, отец, — коротко бросает Блэквуд без приветствий, не отпуская мою руку, что подтверждает догадки. И про свадьбу, и про то, что священника уже успели запугать. Или подкупить.

— Не смущайтесь, — громко произношу я, ловя на себе удивлённый и затравленный взгляд священника. — Кстати, он меня похитил со свадьбы с его же братом.

— Закрой рот, — злобно чеканит Киллиан, придвигаясь ко мне почти вплотную. — Отец, у нас мало времени.

— Вы ведь в курсе, что соучастие в преступлении – это экспресс-билет в ад? — действуя наперекор, в упор тарашусь на старика.

Священник вздрагивает, переводя взгляд с моего наверняка грязного лица на непрошибаемого Киллиана.

— Господь всё видит... — тихо произносит он, опуская затравленный взгляд. — И... и каждому воздастся по делам его.

— Вы сейчас благословляете психопата! Это против воли Господа, вы слышите? — перебиваю я.

Умом-то понимаю, что священник такой же заложник обстоятельств, как и я сама, но упорно продолжаю срывать на нём злость.

Старик игнорирует мой выпад, хотя его лицо заметно бледнеет. Он начинает бормотать слова на латыни, то и дело запинаясь и, по ощущениям, пропуская целые фразы.

Весь этот цирк кажется дурным сном. Ужасным кошмаром наяву.

Когда приходит время давать обеты, я молчу, притворяясь немой и глухой.

— Говори, Лилит, — приказывает Блэквуд, сжимая мою руку.

— Ну ты же сам сказал закрыть рот. Извини, я не могу нарушать твои указы, — пожимаю плечами, изображая, что застёгиваю замочек на губах и выбрасываю ключик в сторону.

Киллиан спокойно выдыхает, явно не скрывая усталости от моего поведения.

— Отец, давайте не будем усложнять, — кивает Блэквуд священнику, давая понять, чтобы тот не растягивал церемонию ненужными клятвами.

Действительно, кому нужно мнение похищенной невесты?

Бедолага согласно кивает и, не дождавшись моего «да», торопливо провозглашает нас мужем и женой. Он делает это так быстро, будто надеется, что Бог не успеет заметить это

кошунство.

— Свидетельство, — требует Киллиан, поправляя оружие за поясом, а я прикидываю, успею ли его перехватить и пристрелить своего похитителя.

Дрожащими пальцами старик заполняет какой-то бланк. Стоит отцу протянуть документ, как Киллиан забирает его и бегло просматривает.

— Поздравляю, миссис Блэквуд, — голос психопата звучит пугающе спокойно. — Ты официально моя жена.

Не моргая, я уставляюсь на церковное свидетельство в его руках. Этот небольшой кусок бумаги только что разрушил мою жизнь и, похоже, жизнь Адалин окончательно. Ведь О'Коннеллы не простят, что я позволила произойти этому предательству.

Может, мне действительно стоит убить Киллиана вместо Ронана? Тогда я смогу вернуться, и никто никогда не узнает об этом венчании. Бросив короткий взгляд на новоиспечённого муженька, осмысливаю, поднимется ли моя рука прирезать его.

Учитывая, сколько дерьма за один день он сотворил, да.

— Чудесно, — просияв, натягиваю на лицо ослепительную улыбку сумасшедшей. — Ходи и бойся, Блэквуд. Однажды утром ты не сможешь проснуться из-за перерезанной глотки.

— Что планирую делать я с тобой, оставлю в тайне, — наклонившись, хрипло произносит Киллиан, чтобы слышала

только я.

Странный жар приливает к щекам, но я свожу это к пережитому стрессу.

Не церемонясь, Киллиан выводит нас из церкви и ведёт той же дорогой обратно к машине.

— Дальнейшими планами, я так полагаю, вы делиться не планируете, дорогой муж? — мой голос перекрикивает завывающие порывы ветра.

Я очень надеюсь, что теперь мы вернёмся в Дублин и я смогу хоть как-то попробовать договориться с Декланом, не вмешивать подругу. Если честно, мне уже плевать на свою жизнь.

Всё так завертелось, что я не успеваю сориентироваться в пространстве.

Хотя возникает вполне разумный вопрос: зачем бы Блэквуд тащил меня в эту богом забытую деревню только ради женитьбы? Заставил бы венчаться в самом Дублине или в ближайшем месте от столицы, а потом привёз к семьям и заявил, что вместо Ронана перемирие заключил он.

— Не терпится узнать, с чего начнётся наш брак? — Блэквуд щёлкает замком, открывая несчастную машину, намуравшуюся по местным ухабам.

Остановившись около любезно распахнутой двери, ловлю себя на мысли, что мне жалко портить кожаный салон грязной одеждой и обувью. А потом я вспоминаю, что машина принадлежит психопату, и с особым удовольствием ныряю

внутри, не забыв хорошенько поёрзать на сиденье.

— Слушай, давай без шуток. Я не знаю, что ты там напридумывал в своей ненормальной голове, — непринуждённо пристегнув ремень безопасности, поворачиваюсь к нему. — Плевать я хотела на твои амбиции и планы, касающиеся вашего клана.

Я чуть было не выпаливаю, что в конце недели должна улететь, как и планировалось, но вовремя прикусываю язык.

— Раз я вышла замуж не за твоего брата, а за тебя, перемирие вряд ли состоится. В таком случае я должна вернуться домой, в Нью-Йорк, — заканчиваю речь, переиграв концовку на подходящую по смыслу.

— Это вряд ли, — Киллиан заводит мотор и даёт пару минут упасть оборотам, прежде чем авто трогается. — Ты останешься здесь. Рядом со своим мужем, — ослепительно улыбнувшись, без единого намёка на веселье, он выруливает под закат солнца и едет в совершенно другую сторону от той, откуда мы приехали.

— Мы же оба понимаем, что этот брак ненастоящий. С моей помощью ты добиваешься каких-то своих целей, и, когда получишь нужное, мы разойдёмся, — в этот момент я ещё искренне верю в свою теорию. — Давай ты меня отправишь в Штаты, а сам будешь делать вид, что я тут? Обещаю сидеть там тихо и не высовываться, пока ты не разрулишь с проблемками.

На этот раз от моих слов он смеётся. Заразительный муж-

ской смех заполняет салон, и я непроизвольно улыбаюсь, размышляя, что смешного сказала?

— Я предлагаю классный вариант, где каждый из нас получит желаемое, — подкрепляю ранее сказанные слова. — Слушай, мне правда нужно вернуться. Твой брат был не против, чтобы я продолжила подготовку к чемпионату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.